

DOI: 10.26907/2311-2042-2022-19-2-101-126

TATAR STRUCTURES OF SIBERIA IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Aidar Yurievich Khabutdinov,

Kazan branch of Russian State University of Justice,
7a 2nd Azinskaya Str., Kazan, 420088, Russian Federation,
aihabutdinov@mail.ru.

The article studies the evolution of Tatar structures in Siberia at the beginning of the 20th century. Based on the analysis of the press in this period, the study proves that the vast majority of Muslims in Siberia identified themselves as Tatars, members of a single millet nation, possessing the Tatar literary language, which was used as the language of education. The paper states that among the structures created before the February Revolution of 1917 charitable societies, libraries, men's and women's mektebs predominated. The newspaper "The Siberia" and the musical-theatrical society were created in Tomsk. In 1917 and in early 1918, Muslim bureaus were beginning to appear in the cities, provincial Muslim congresses were held, the Muslim Shuro (National Councils) and branches of the Harbi Shuro (Military Councils) were formed. The Muslims of Siberia actually refused to create parallel structures, for example, their own Spiritual Assembly. The article records the emergence of Siberian Muslims' fashion for holding holidays, following the model of the Muslims from European Russia: Mawlid, Hijri New Year and Sabantuy. The paper proves that Gabdulla Tukay, as a Tatar national poet, occupied a key place in the gallery of symbolic leaders.

Key words: Tatars, Muslim community, Siberia, charitable societies, press, women's education

Introduction

Since the 1990s, the focus of scientific research has been on developing the theme of "the Siberian Tatars" as a special national community with its own language, literature, history and its own socio-political structures. While working on the dictionary "Islam in Siberia" (one of the series of the dictionaries "Islam in the Russian Federation"), we did not mean to debunk any conception. We regret to state the lack of professionals, in the regions of Siberia, who can speak the literary Tatar language of the early 20th century and who can read source literature in Arabic. It turned out that Siberian professionals know the realities of their region, but, unfortunately, they have failed to reconstruct the situation in the all-Siberian or all-Russian context.

The purpose of this work is to study the Muslim structures of Siberia in the early 20th century. Our task is to identify changes in their activities during this period by comparing them with similar Tatar structures of the Jadid era. We attempt to form an idea of what the main subjects of their creation were like and their new identity indicators.

The novelty of our research is the study of the early-twentieth-century evolution of the Siberian Muslims' structures as an integral phenomenon. Our focus is on the national education for boys and girls, the charitable societies, the press, the activities of the leaders in the field of religion, education

and press, and on the specific structure of the Tatar national picture of the world. The article also discusses a new system of coordinates, emerging among the Muslims of Siberia in the early 20th century in terms of understanding their place in the general Tatar space, including national public organizations, the education system based on their native language, the role of girls and women, new holidays and new idols.

There is no complete scientific study of the Siberian Muslims' history. The two works, which are available now, rather, serve as travelogues, that is, represent collections of data on regions, with selected examples, the data on arrivals summarized in tables [1], and with interviews and information on the topics available in Russian [2]. A feature of a number of detailed studies is the time limited by the period of the February Revolution, although the real opportunity to create a variety of structures, including educational ones (for example, the Tomsk dar ul-mugallimin - a men's teacher training school), occurred just after the fall of the tsarist regime.

M. Markova analyzed the life of the Muslim Tatars in the Tomsk Province [3], and G. Bobkova studied the realities of the Irkutsk Province (the late 19th - early 20th centuries) [4]. The disadvantage of the works is the lack of documents in

the literary Tatar language in the database of sources, including the Tatar-language press.

In historiography outside of Tatarstan, especially among the Tatars – “indigenous natives” of Western Siberia, it is customary to focus on the connection of the Siberian Tatars with Bukhara and portray the intellectually elite group of the Muslim population of Siberia as “Siberian Bukharans”. As a general term, these researchers use the term not “the Siberian Tatars”, but “the Siberian Muslims” (see, for example: [5], [6]).

Methods and research methods

Our study focuses on the Tatar press, as the main source, which describes the religious, educational and socio-political processes among the Muslims of Siberia. These are the three main sources:

1) the newspaper “The Ulfat” (85 issues in total), published in St. Petersburg in 1905–1907 by (Gabder) Rashid-kazy Ibrahim (ov), the father of the socio-political movement of Muslims in Russia, a descendant of the imam and mudarris clan in the city of Tara (then the Tobolsk Province) and a native of this city. The articles about the life of the Muslims of Siberia are few, but in his correspondence from different places, Rashid Kazy tried to analyze the situation in the Muslim community of the Tobolsk Province in the fields of education and politics;

2) the newspaper “The Siberia”, which was published in Tomsk in February 1912 - August 1913 and was edited by the Navruzovs (the natives of the Kazan Province). Despite the short period of its existence (145 issues), the newspaper reflected a broad picture of the social life in Siberia and, above all, the Muslims from Tomsk (the charity, the Muslim education for boys and girls, the activities of Muslim libraries) during the time of relative liberalization in the national and religious policy of the state, which came under V. Kokovtsov, the chairman of the Council of Ministers of the Russian Empire (September 1911 - January 1914) and was connected with the celebration of the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812 and the 300th anniversary of the Romanov dynasty. Translations of articles from these two newspapers are at least partially used in scientific research and on the websites of the Siberian Tatars.

3) the newspaper “The Tormysh”, which was published in Ufa in October 1913 - April 1918 (832 issues in total). It was created by the Navruzovs, who actively worked in it until February 1914. This publication had the heading “In Si-

beria”. Unfortunately, this source was ignored by scientists and local historians studying the Muslims of Siberia.

These three newspapers experienced difficulties due to the lack of local correspondents. Thanks to these publications, we have the most complete picture of Muslim social life in Tomsk, partly in Irkutsk, other provinces and regions of Siberia, occasional reports from the Yakutsk Regions and the Amur Governorate (which included the territories of the modern Amur Region and the Khabarovsk Territory).

I would especially like to highlight the materials signed by Nuri (Muhammad-Nuri Bukharaev), which give the idea of the socio-political and educational life of the Muslim community in Tomsk in 1917- and in early 1918 in the context of the Siberian regionalism movement, when the Siberian congresses gathered exactly in Tomsk, proclaiming autonomy of Siberia and creating its government.

The newspapers most actively covered the activities of Garif (ulla) Valiev, the permanent head of the Novonikolaevsk parish (now Novosibirsk) and later the imam of the mosque (1907–1935), and Gubaidulla Gabdurrashitov, the second imam of the Irkutsk mosque (1911–1915).

Our article is based on the comparative-historical and the problem-chronological methods, the method of synchronous analysis, periodization, classification, etc.

Discussion

In the first issues of the first Siberian Tatar newspaper “The Siberia”, Muhammad-Vagiz Navruzov published a number of policy articles. Thus, in the editorial of the first issue, he reflects on the need for the Siberian Muslims to have a newspaper in the Tatar language, the newspaper whose goal should be to serve the Tatar nation (“millat”). He called the Siberian state (“mamlakat”) the cradle of our heroic ancestors who shook the world (“kaharman babalarymyz”). According to him, the newspaper was supposed to become a national and religious guide (“hidayat”) for writing articles about Tatar life [7].

In No. 5, M.-V. Navruzov published an article about moving to Siberia. He spoke out against the emigration of the Muslims from the Crimea and the Caucasus to the Ottoman Empire, criticized the Russian Muslims for their unwillingness to settle in Siberia. M.-V. Navruzov said that “Sibiriya” should provide assistance to the settlers, and the imams are obliged to explain to the Muslims the terms of their settlement in Siberia [8].

Links between the Volga-Ural region and Siberia in the field of education and religious organization were established at the beginning of the 19th century. We learn about it from the materials titled “Asar” by Riza Fakhreddin [9], [10] and from (Gabder) Rashid-kazy Ibragim(ov)’s biographical dictionary of Siberian scientists [11]. We must not forget that, according to the “Nominal Decree given to the Senate on September 22, 1788, on the appointment of a mufti over all people of the Mohammedan law living in Russia,” the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly (OMSA) extended its jurisdiction to all Muslims of Russia, “excluding the Tauride Region” [12, p. 1107–1108], that is, including all of Siberia and the Far East.

The madrasah of the city of Tara in the Tobolsk Province (now the Omsk Region) was the oldest madrasah stably existing in the pre-Soviet period. It was founded by Fazyl bin Ibrahim bin Kutlugahmed al-Echkeni al-Almeni (?–1822), whose family came from the city of Kasimov, the Ryazan Province (now the region). He was an imam and a mudarris in the village of Almenevo, the Chelyabinsk District of the Orenburg Province (now the regional center of the district of the same name, the Kurgan Region). He was educated in the madrasah of Abdulvahhab b. Sharif in the Belebeevsky District of the Ufa Province (now the Republic of Bashkortostan), then in the Kargaly madrasah near Orenburg. He was a supporter of Abunnasyr al-Kursawi’s ideas. In 1816, he went to the city of Tara, where he taught in a madrasah and actually created it. He returned to his native village, leaving his disciple Ibrahim bin Jagfar in the city of Tara to take over his duties. Among the well-known ulemas of Siberia, the students of Fazyl bin Ibrahim, R. Fakhreddin mentioned only Sheikh Ruzi-ishan at-Tubuli, who did not have influential students [9, p. 159]. These connections between Tara and Almenevo were maintained over the following decades. After getting a primary education in his native Tara, Rashid-kazy Ibrahim (1857–1944) continued his studies in the Almenevo Madrasah (1867–1871), then in Tyumen (1872–1876) and in 1877, he arrived at the Kyshkara Madrasah of the Kazan Province (now the Arsky District of the Republic of Tatarstan) [12, p. 15–21]. Thus, we are talking here specifically about the tradition of Muslim scholarship in the Volga-Ural region, and in such an extreme version of opposition to Bukhara scholasticism and the entire religious establishment as the ideas of Abunnasyr al-Kursawi.

Much more influential were the students of another Tara mudarris, Rahmatullah b. Yusuf al-Yangurazi at-Tarawi (Yangurazov, approx. 1824–1887). He was born in the village of Enguraz (ovo) in the Temnikovsky District of the Tambov Province (now Engurazovo in the Temnikovsky District of the Republic of Mordovia). He was initially educated by his father, and then by Ni’matullah b. ’Abd ar-Rakhima (Nigmatulla Gabdrakhimov) in the madrasah at the 1st Cathedral Mosque of Orenburg, Yakub b. Yahya al-Kishkari and Ismail b. Musa al-Kyshkari (both in the Kyshkar Madrasah of the Kazan District and Province) [10, p. 139–143], that is, we are talking about the centers of traditional education, which can be identified with Kadimism. Rahmatullah b. Yusuf did not go to Bukhara either to gain theological knowledge, or to obtain a document on the legitimacy of the Sufi sheikh – the ijaza. In the Ottoman Empire, his sheikh was Mujabi, and Rahmatullah became a follower of the Sufi Naqshbandiyya-Khalidiya tariqat. It should be noted that Zainullah Rasuli, the most prominent of the Jadid sheikhs, also went to Istanbul to receive the Naqshbandiyya-Khalidiya ijaza. In 1876, Rahmatulla left for Petropavlovsk (now Kazakhstan), where he tried to become the imam of the 4th Mosque, but it was only in 1884 that he became the imam of the 6th Petropavlovsk Mosque. Rahmatullah b. Yusuf had great influence on the Siberian ulemas, since two of his disciples played an important role in two key regions of Eastern and Western Siberia: Khamza-akhun b. Muhammad-Amin (Khamza akhun Khamitov – the imam and akhun in Tomsk, held the position for as long as 55 years, from 1876 to 1931) and Mutasam b. Bilal al-Kamrawi (the imam in the Kamaru yurts of the Tobolsk Province, now the Tyumen Region). The identity of the former is extremely ambiguous. On the one hand, his activities were quite in the style of Kadimism, when he did not allow the Jadid reform, which began during the revolution of 1905–1907, to be implemented in the Tomsk Madrasah. [13]. But this can be explained by his personal interests, as it meant his loss of real control over the madrasah. At the same time, other Khamza akhun Khamitov’s actions placed him among the supporters of the Jadid ideas. On May 22, 1910, a meeting, chaired by akhun Kh. Khamitov, decided to establish a public Muslim women’s school in Tomsk next to the Cathedral (“Red”) Mosque in Tomsk. Kh. K. Komarova, the daughter of Akhun Khamitov, was elected as a teacher of the Russian language. The school was funded by the Tomsk Muslim Society of

Progressists, clearly a Jadid organization. The fact that on June 16, 1910, the trustee of the West Siberian educational district refused the charitable society's application to open a women's Muslim school in Tomsk did not stop Kh. Khamitov, and the school was created and operated without the permission of the provincial administration until 1912 [3, p. 171–173]. After the February Revolution of 1917, in the wake of the displacement of M.-S. Bayazitov, the Mufti of the OMSA, and other imams who were close to the authorities, the Tomsk Muslim Bureau decided to temporarily remove Akhun Khamitov on April 12 [14]. However, the Tatar youth of Tomsk took to the streets in defense of the akhun: the appeal, signed by 39 people, stated that the akhun supported the theater, the mekteb, the madrasah and the library. Khamitov allegedly issued a fatwa, according to which women could visit the mosque, read namaz there, participate in the activities of the theater, library and charitable societies along with men, since this did not contradict the Koran [15]. No popular refutation of this appeal was given in 1917, which brings Kh. Khamitov ideas and deeds close to the ideas expressed on the women's issue by radical Jadids such as Ziya Kamali and Musa Bigi. Such equality of women, of course, is infinitely far from the Bukhara scholastic tradition.

Besides Khamza Khamitov, R. Fakhreddin, named three most prominent Jadids as the authors of Rahmatullah's biography - his students: G.-R. Ibragimov and the imam, then Khujat al-Hakim Mahmudov, the Kazy of CSBM (Central Spiritual Board of Muslims) in 1917–1920, and Imam Niyaz-Muhammad Suleymanov. The first two, according to their status, passed as Siberian Bukharans, the second one ranked as a "Siberian foreigner", but all the three of them played a big role in the struggle against Bukhara scholasticism and Kadimism fighting for the unity of the Muslim Tatars in Europe and Asiatic Russia. The activities of G.-R. Ibrahim, the father of the socio-political movement of Muslims in Russia in the early twentieth century, the initiator of the I-III All-Russian Muslim Congresses in 1905–1906 and the creation of the all-Russian Muslim liberal party "Ittifaq al-muslimin", have been widely studied [16], [17, p. 180, 194–201, 206–214], [18], [19].

Here, we discuss the activities of the last two figures who are less known but who played an important role in ensuring the legal and organizational unity of the Muslims from European Russia and the Siberian Muslims in 1900–1910.

Makhmudov Khujat al-Hakim (Khujat al-Hakim b. Daoud b. Mahmud b. Niyaz-Muhammad b. Mahmud al-Mahmudi at-Tarawi (1871(3)–1946) – a Muslim religious figure, a native of the city of Tara or the Tara District, the Tobolsk Province, was educated by Rakhmatulla b. Yusuf in the city of Petropavlovsk. From 1897 he served as an imam-hatib and mudarris in the Cathedral Mosque (1843) in the village of Aubatkan, the Tara District, the Tobolsk Province (now the the Bolsherechensky District of the Omsk Region). In 1901, in Kazan, he published his work "Intikad al-aqwal bi al-tahkik fi tajwiz al-nikah bi al-talik" ("A Critical Examination of Statements Regarding the Performance of Marriage under Certain Conditions"). This work was carried out on the instructions of the great ulem Rizaetdin Fakhreddinov (then the OMSA¹ kadi) [20, p. 209]. It stated the need to reform certain principles of family law among the Muslims of the Russian Empire.

This changed his fate and around 1902, he left Aubatkan and after a short stay in the city of Atbasar (the Akmola Region, now Kazakhstan), went to the Ottoman Empire. In Istanbul - from 1902 to 1907, he studied the works of Islamic scholars-reformers, supporters of *ijtihad* and the constitutional state of Muhammad 'Abdo and Jamal ad-Din al-Afghani. Young R. Fakhreddin had met with Afghani in St. Petersburg, and M. Abdo's socio-political conception had a direct influence on his key socio-political treatise "Dini va ixtimagy maşaleler" (Orenburg, 1914). Thus, even before the start of the widespread introduction of Jadidism in the madrasahs, Makhmudov had supported one of its key ideologists among theologians. He collaborated with the aforementioned "The Ulfat" newspaper, where he published a series of articles on the Muslim education reform in the Russian Empire; eventually, he advocated the introduction of the Jadid teaching method in mektebs and madrasahs, promoted the *ijtihad* (the ability to make an independent judgment based on the Koran and the Sunnah, not on the opinions of Islamic jurists) and criticized *taqlid* (following an authoritative specialist in matters of Islamic law), he also advocated the dissemination of the national press among the Turkic peoples of the Russian Empire. Thus, providing an example of another student who used to be a traditionalist theologian, we see a transition to a purely Jadid position.

In 1910, Makhmudov moved from the city of Tara to the city of Akmolinsk (now Astana, the

¹ the Orenburg Muslim Spiritual Assembly

capital of Kazakhstan), where he became imam of the Second Cathedral Mosque. The conflict with the local merchant Nurmukhammed Zabirov led to the removal of Makhmudov from the post of imam and his subsequent exile to Orenburg. The probable cause of the conflict was Makhmudov's demand to redistribute the powers of the trustees (*mutavalliyalar*) at the 2nd Mosque, suggesting that the main administrative functions be concentrated in the hands of the imam, and not the merchants [21, p. 106–108]. This idea was a direct borrowing from Marjani. Later, Makhmudov became imam of the city of Turgay, the Turgay Region. His all-Russian career began in March 1917: after the removal of G. Kapkaev, the OMSA Kazyi, Makhmudov was elected to this position, having received approval from the authorities of the Ufa Province [22]. At the First All-Russian Muslim Congress in Moscow (May 1917), the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly (OMSA) was reorganized, and Makhmudov was elected Kazyi of the Provisional Mahkam-i Shargiya (Spiritual Administration). At the 2nd All-Russian Muslim Congress in Kazan (July 1917), he was elected a member of the Diniya Nazarata Collegium (a religious department) of the Vakytly (Provisional) Milli Idare [23, p. 112]. Before the First Siberian Muslim Congress (October 4–12, 1917), he refused to take the position of Kazyi of the planned Siberian Regional Spiritual Assembly [23, p. 403]. It would not be created until the 1990s, in contrast to the Spiritual Administration of the Bashkir Autonomy, elected on December 22, 1917 by the Bashkir small kurultai (pre-parliament). And in this case again Makhmudov would act in solidarity with R. Fakhreddin, who would refuse to accept the position of the Merkez Diniya Hayate Kazyi (the Main Spiritual Administration) of the Bashkir Autonomy, despite being elected [24].

On January 11, 1918, at the session of the Millet Majlis, Makhmutov was elected a member of the Diniya Nazarata Milli Idare board. In March 1918, in a letter to "The Chulpan"² newspaper, he again spoke out against creating a separate Spiritual Administration of the Siberian Muslims. He claimed that provincial Muslim congresses had been held in Tobol, Tomsk, the Irkutsk Province

and the Akmola Region, the congresses elected deputies to the Millet Majlis, who did not advocate the creation of a Spiritual Administration for the Muslims of Siberia. With regard to Siberian autonomy, Makhmudov directly stated that the Muslims were not ready to hear the territorial autonomy of Siberia to be proclaimed by local regionalists [25].

As the Chairman of the Congress of the Muslim Clergy of Siberia in Novonikolaevsk (July 17–23, 1919), Makhmudov again advocated the creation of the unified Spiritual Administration of the Muslims of Inner Russia and Siberia in the person of Diniya Nazaraty Milli Idare [26, p. 224–225].

Niyaz-Muhammad Suleymanov did not formally hold high positions, but he played an outstanding role in creating khutbs (sermons) in the Tatar language. A native of the village of Utuzy in the Tara District of the Tobolsk Province (now the Tevriz District of the Omsk Region), he studied first in the Tobolsk District, probably in the village of Karagai, and in the madrasah where his teachers were Nejmetdin hazrat in the city of Tara and Rakhmatulla b. Yusuf al-Yangurazi at-Tarawi in Petropavlovsk (1884–1887). In Petropavlovsk, he was engaged in bookselling. On August 20, 1907, the governor of Akmola approved his appointment to a position of imam in the 2nd Omsk Mosque. Niyaz-Muhammad Suleymanov published his works first in the newspaper "The Ulfat" in 1906; he was the author of a number of books, the most popular of which were "Törki khötbälär" ("Khutba in the Turkic Language", Orenburg, 1910) [27] and "Torki notyklar" ("A Speech in Turki", Orenburg, 1911) [28], which were published in Muslim publishing houses of European Russia. N-M. Suleimanov insisted on the need to conduct sermons not in Arabic, but in the Tatar language (the term "Turks" was used because of the large number of Kazakhs in the Muslim community of Omsk and especially in the Akmola Region). R. Fakhreddin adhered to the same views, which again contradicted the Kadimist tradition oriented towards Bukhara. In February 1913, the issue of creating a women's school in Omsk was discussed, its opening was supported primarily by N-M. Suleimanov. On February 21, 1913, in Omsk, the corresponding decision was made at the Muslims' meeting in honor of the 300th anniversary of the Romanov dynasty [29]. His eldest daughter studied at the women's school at the Bubi Madrasah in the village of Izh-Bubi (the Sarapulsky District of the Vyatka Province, now the Agryzsky District of the Republic of Tatarstan); in 1917, she taught at the Omsk school for girls [30, p. 69–71]. In 1917, N-

²"The Chulpan" was a socio-political newspaper, a body of the Central Siberian Muslim Council (CSMC, the Milli Shuro Siberian Center). It was published in Tomsk in January - March 1918 in the Tatar language. It was issued under the slogan "Long live the Siberian autonomy! Long live the national and cultural autonomy of the Muslims of Siberia."

M. Suleimanov died, and Makhmudov wrote his biography for the Kazan magazine "Mashhuret". Thus, we see the close interaction of these three Tatars, the indigenous natives of Siberia, in the all-Tatar socio-political, religious and cultural projects. It is typical that such facts, not fitting into the Bukhara-centered picture of the world, are simply removed from the works with the wording: "We will not dwell on the description of events from Makhmudov's life in the period from 1913 to 1921, since they are not directly related to the issues discussed in this article" [21, p. 108].

In 1914, the teacher Rizvan Ibragimov published his Siberian travel notes in "The Tormysh" newspaper, analyzing the changes that had taken place over 7 years beginning with 1907. He analyzed the progressive development of the Muslim community in Blagoveshchensk, its degradation in Chita, where the local ahun Sultan-Galeev actually turned the national Tatar school into an ordinary parish mekteb after R. Ibragimov's departure [31]. R. Ibragimov recorded the maximum progress in Tomsk, where seven years before, akhun Kh. Khamitov dominated the cultural and educational sphere of the city, R. Ibragimov called him the enemy of culture. In 1914, there was a library in Tomsk, and the Tatars went to the Russian theater and arranged their own theatrical performances. R. Ibragimov assessed these leisure activities positively, criticizing those who spent their money in restaurants or cafes [32].

Infrastructure of the Jadid era in Siberia

R. Ibragimov raised a very important issue concerning the infrastructure of the Jadid era. We will make an attempt to analyze its variants. In January 1918, the Tatar Muslim infrastructure of Tomsk consisted of: 1) Gomumi Sibiria Shurasy (All-Siberian Council); 2) Tomsk moselman burosy (Tomsk Muslim Bureau); 3) Tomsk moselman "musikal' drama Zhamgyyate" (Tomsk Muslim "Musical and Dramatic Society"); 4) Khanymnar Zhamgyate (Society of Women); 5) Ukuchilar Zhamgyate (Society of Students); 6) Møgallimnar soyuzy (Union of Teachers); 7) Moselman Kharbi Komitet (Muslim Military Committee); 8) Tomsk mōselman Zhømgyyate-khøiriya (Tomsk Muslim Charitable Society); 9) Gomumi Sibiria dar al-mogallimin (All-Siberian Men's Teachers' School) [33]. All these structures were products of all-Russian, primarily Tatar, structures.

At the First Siberian Muslim Congress (October 4–12, 1917), the Gomumi Sibiria Shurasy (All-

Siberian Council) was created. This term itself goes back to the All-Russian Muslim Council (Milli Shuro), stabled at the First All-Russian Muslim Congress in Moscow in May 1917.

The name "Muslim Bureau" is typical for Tatar organizations that emerged immediately after the February Revolution of 1917 (for example, the Orenburg Muslim Bureau) [17, p. 284, 292].

The Tomsk Muslim "Musical and Dramatic Society" came into being under the influence of tours of Tatar artists from European Russia to the cities of Siberia, in particular, to Tomsk. In May 1912, the Tatar theater company "Sayyar" came to Tomsk on tour [34]. On July 8, 1913, the "Nur" company performed in the building of the Commercial Assembly, where a troupe of four people presented the plays of Galiaskar Kamal, a classic of dramaturgy: "Bekhetsez eget" ("An Unfortunate Young Man") and "Berenche teatr" ("The First Theater") [35]. On July 15, the performances of the troupe "Nur" took place in the building of the Commercial Assembly (the play "Khuja hem the Counterman") [36]. A little later, the newspaper "Siberia" published an exchange of views on the performance of the Tatar theater luminaries: S. Gizzatullina-Volzhsakaya, Sumchinskaya, M. Mutin and N. Sakaev, assisted by the Tatar youth of Tomsk [37]. In 1913, on their initiative, a literary and musical drama society was created.

The Women's Society was created after the All-Russian Congress of Muslim Women, which was held in Kazan on April 24–27, 1917. It should be noted that the congress honored the blessed memory of Zukhra Khanum Gasprinskaya (Ismail Bey's wife) and Fatima Farida Nauruzova with a minute of silence, the women "who devoted their lives to serving Muslim women from Russia". The second block of decisions included organizational issues, planning to unite all women's organizations in Russia into one [38, p. 60–61]. In 1917, associations of Muslim students functioned in the Ufa Province.

The First Congress of Tatar Muslim Teachers was held in Kazan in April 1917. It created the "Rusiya Turko-Tatars uktyuchylary berlege" ("The Union of Russian Turko-Tatar Teachers"), which aimed to unite the entire educational and enlightening life of the Tatar society [39, p. 7–8]. Moselman Kharbi Committee (Muslim Military Committee) was part of the All-Russian Kharbi Shuro, with a center in Kazan, it was established at the First All-Russian Muslim Military Congress, held in Kazan in July 1917 [17, pp. 297–302].

“Tomsk moselman Zhamgyyate-kheiria” (Tomsk Muslim Charitable Society) was first established under the name of “Society of Progressive Muslims” by the Muslims of the city in 1909. The format of the charitable societies, the only legally possible secular organizations in Tsarist Russia, was developed by Ismail Bey Gasprinsky. In the 1890s, in Kazan, Moscow, St. Petersburg, Troitsk, Yalta, Kasimov, Astrakhan, Semipalatinsk and other cities, Muslim charitable societies were created as cultural and educational centers of communities with collegial management [17, pp. 165–166]. In the third issue of the newspaper “The Siberia”, its editor, Muhammad-Vagiz Navruzov, called I. Gasprinsky the founder (sababche) of Jadidism and the organizer of Muslim charitable societies [40]. In Siberia, such societies functioned in Achinsk, Irkutsk, Tobolsk, Krasnoyarsk, Omsk and Tomsk. From 1912, the activists of the Tomsk Society, the Navruzovs, published the socio-political and literary newspaper “The Siberia” in the Tatar language. In February 1914, permission was denied to create the “Society for Aiding Students” in Tomsk. During the First World War, an informal Muslim Mutual Aid Society was formed at the Tomsk Technological Institute. In Blagoveshchensk, from 1906, the society functioned on an informal basis. In 1913, a petition to establish the Novonikolaev Muslim Charitable Society was filed twice, but the Tomsk Governor refused to grant permission. In 1914, permission was not given to create a charitable society in Oleminsk (the Yakutsk Region), what is more, the natives of the Volga-Ural region played a key role in the creation of the Achinsk, Irkutsk and Krasnoyarsk public projects of the Novonikolaev and Olekminsky societies. In 1913–1915, societies were closed in Tomsk, Omsk and Tobolsk [41].

By 1917, in Troitsk, the Orenburg Province (now the Chelyabinsk Region), Tatar-speaking centers had been established with the aim of training teachers for both men and women. “Dar al-mugallimin” (Men’s Teacher Training School), which at first had the official name of “Vazifa” (“Obligation”), was opened in September 1915. In 1916–1917, the headmaster of the “Vazifa” was the first Tatar professor-historian, a writer, publicist and public figure Doctor Gaziz Gubaidullin [42, p. 10].

Here, we note one more important structure: “Tomsk vilayate rukhanilar oeshmasy” (the Tomsk Province Organization of the Muslim Clergy). It was created by the imams - participants of the Congress of the Tomsk Province Muslims (June 28

– July 2, 1917) in Tomsk, its Charter modeled on the Union of the (rukhanilar ittifaki) Ufa Province Clergy [43]. The Organization of the Tomsk Governorate Muslim Clergy was established when the clergy of the regions of the former OMSA area created trade-union organizations in defense of their rights and became part of this process. Preparations for the Golyam congress (the congress of the clergy), which opened in Kazan on July 19, 1917, activated these processes [44, p. 138].

Creators of the Siberian Muslim Tatar Educational Infrastructure in the New Age

Let us have a closer look at the sphere of education to understand how education in the literary Tatar language was conducted and what level of proficiency was achieved in Siberia. The Russian Revolution of 1905–1907 promoted the development of education in the native language in the region. Thus, in September 1906, Imam Kasim Khamidullin opened a new school in the Renchinsky yurty (Renchiki of the Tobolsk District and Province, now the Vagaysky District of the Tyumen Region), where among other subjects was the native (Tatar) language [45]. At the beginning of 1913, the Tatar (native) language was taught in the new mekteb of Novonikolaevsk [46]. All other Muslim schools in Siberia and the Far East up to Blagoveshchensk, Yakutsk, Olekminsk and Khabarovsk were described as Tatar or Russian-Tatar schools with the Tatar language of instruction.

Where did the teachers, who educated the Muslims of Siberia, come from? In Novonikolaevsk, Imam G. Valiev, who himself was educated in the Troitsk Madrasah, immediately set out to invite mugallims who had received education in the Jadid madrasahs of the Volga-Ural region. The mugallims of the mekteb in Novosibirsk were Zakirjan Hanafi, a graduate of the Jadid madrasah “Bubi” in the Vyatka Province (now the Agyz District of the Republic of Tatarstan); Zakir Khalfa Nurulin, a graduate of the Ufa Jadid madrasah “Usmania”; Bayazitov (from September 1914) - a graduate of the Ufa madrasah “Galya” [47]. In 1915–1916, two mugallims and two mugallimas worked in Irkutsk. Khanifa Khisametdinova, a graduate of that year who had completed pedagogical courses in Ufa, joined Khadicha Shamigulova; Mahmud Gubaidullin, a graduate of the Jadid madrasah “Bayryaka” (now the Yutazinsky District of the Republic of Tatarstan), joined teacher Gabitov [48].

In the 1910s, we can observe that both a husband and his wife were engaged in teaching. Here,

we mean the imam and his wife or a married couple. This tradition also came from the Volga-Ural Region. Urmanov Salihdzhan was born on November 13, 1879 in the village of Dyusmeteva, the Bakaev Volost, the Ufa District and Province. On October 31, 1905, he was appointed imam of the city of Blagoveshchensk, the Amur Region, where he worked until 1915, when he was appointed kaziy of the OMSA. He put a lot of effort into building a mosque in Blagoveshchensk, created a Jadid mekteb and the "Ismailiya" School (named after Ismail Gasprinsky, the founding father of Jadidism), where he taught the Tatar language and religious doctrine, and his wife Hanifa taught Russian [49]. Hanifa Khanum described the mosque. It was two stories high. Half of the lower floor was occupied by a library, another half by a taharathane (the ritual washing). On the second floor there was a prayer hall, as well as a room where documentation was stored (including registers of birth); there, nikakhs and talaks were also held, and decisions were made according to Sharia. An important feature and an innovation of that time was the presence of a separate room for women [50].

At the First Ufa Provincial Congress of Muslims (14.04–17.04, 1917), Urmanov, on behalf of the OMSA, stated that the Spiritual Assembly did not object to women's suffrage, in case it corresponded to Sharia law [51]. At the First All-Russian Muslim Congress in Moscow, he made a report on the provisional organization of Muslims and was elected qadi. During Mufti G. Barudi's trips to the All-Russian Muslim Congresses in Kazan in late July - early August 1917, he served as acting chairman of the OMSA. While holding this position, Urmanov signed the OMSA appeal of July 30, 1917, in defense of women's election rights [52].

If the imam could count on a stable income and create the infrastructure of his parish in the form of a mosque and a mekteb, the teachers were hired labor, dependent either on the bai, who could drive them away at any moment, or, at best, on the community, which entered into an agreement with them for one or two years. However, they also made every effort to create the Tatar Jadid infrastructure. If the teachers of government schools had a stable salary and benefits, and their careers could be traced by track records, the careers of mugallims (male teachers) and especially mugallimas (female teachers) had almost no source of financial support. We were able to obtain the most complete information on Ibragimov Rizvan and his wife. He was born in 1883 in the village of

Bigeevo (Bigi) of the Kuznetsk District, the Saratov Province (now the Neverkinsky District of the Penza Region), where he received his primary education. From 1896, he went to the Kazan Jadid madrasah "Muhammadiya", where he studied Russian. From 1903, he taught in the village of Tashbilga (Tyazhberdino) of the Spassky District, the Kazan Province (now the Alkeevsky District of the Republic of Tatarstan); later, in 1905 he worked in Achinsk (now the Krasnoyarsk Territory), and in 1907 - in Chita, where he created the 1st Mekteb with instruction in the Tatar language, and his wife Ferkhane-khanum taught girls; from 1911 he was a teacher in Khabarovsk, where he also created the 1st Mekteb [53]. He was guided by the ideas of Qasim Amin (1865–1908), an Arab writer who, for the first time in Arabic literature, advocated equal rights for Arab women [54]. Unfortunately, it was not possible to obtain information about the distance between Achinsk and Khabarovsk along the Trans-Siberian Railway, but along the highway it is 4.407 km.

The largest madrasah in Siberia, in Yembayevo, had the 1st primary department where among the subjects was (ibtidai) - reading in the Turkic-Tatar language, and the 2nd department (igdadiya - above average), which, in addition to the Turkic-Tatar, had the Arabic language and literature [55, pp. 189–190]. There was no full cycle of education in Yemabaevo: the Shakirs studied only for 7 years, so the benefactor Nigmatulla Karymshakovich Saidukov (1829–1901) sent the best graduates of the madrasah to study at his own expense in the madrasahs of Kazan, Ufa, Orenburg, where education was also conducted in the Tatar language. The Tobolsk madrasah provided primary education (ibtidiya) and the first stages of secondary education (rushdiya). In accordance with the ideas of Jadidism, secular objects were introduced along with religious ones. The Tatar language was taught in these schools. On April 29 - May 1, 1912, shakirdas read poems in the Tatar language at demonstration tests [56].

In the summer of 1913, the newspaper "The Siberia" advertised the Ufa "Galiya" Madrasah as an advanced school, where teaching was conducted in Arabic, Tatar and Russian, and Tatar literature was taught [57]. To enter the 1st grade of this madrasah, it was necessary to be able to read, to write dictations and compositions in the Turkic language [58]. Since Tatar and Bashkir schools officially operated in the Ufa Province, they used the nomination "the Turkic language" not "Tatar". More precise were the requirements of the

“Muhammadiya Madrasah” school board in Troitsk, which expected the applicants to the 1st grade of the Rushdiya category to have knowledge of the Tatar language morphology, an ability to write dictations in Tatar, knowledge of literary words and Tatar history for admission. For the 1st class of the “igdadiya” category, the school required knowledge of the Tatar language morphology and lexicology, and an ability to write dictations and compositions in Tatar. Knowledge of the famous works of Tatar literature was also required. Those willing to go to the 2nd grade of the “igdadiya” category, should be able to write essays on given topics and translate Arabic stories into the Tatar language [59].

In 1909, in Olekminsk, the Yakutsk Region (now the Republic of Sakha (Yakutia)), there was a private Russian-Tatar school (15 boys and 10 girls); from 1910 it was financed by the state. In 1913, 23 boys and 18 girls studied there, in April 1914 the school had 70 students (their teacher was Ilyas Enikeev, who had been educated in Ufa) [60].

Building an education system for girls

As we have already mentioned, the most important indicator of the influence, exerted by the Volga-Ural Region Muslims and a clear sign of their opposition to the Bukhara tradition, was their desire to create a Muslim Tatar education for girls. The newspapers specifically noted if boys and girls studied together, like in Olekminsk, Chita, Novonikolaevsk, Blagoveshchensk and Khabarovsk, or a separate mekteb was created for each of them, like in Irkutsk, Tomsk and Embaevo. The conception of education for girls in Siberia appeared only in the 1910s.

“The Siberia” positioned itself as the only Russian Muslim newspaper, which was dedicated to protecting the rights of girls and women. In the third issue of the newspaper, Fatima-Farida Navruzova published a keynote article and started the regular column “Khatyn-kyzlar donyasy” (“The Woman’s World”) [61]. She set the goal of Tatar girls’ education for them to be able to help their husbands. The purpose of women’s education was to bring up “Tarbiyale ana” (“a good-natured / educated mother”), exactly what a true Muslim woman should be like. The term “Tarbiyale ana” is the name of the manifesto book (1898) by Riza Fakhreddin, an outstanding ulema and writer [62]. “The Siberia” claimed that the newspaper was solving the problem of women’s progress [63]. In the fourth issue of the newspaper, an article by F. Navruzova was published, where she advocated in-

struction in the Turkic language, including the training of mugallimas (female teachers) [64].

In the 45th issue of “The Siberia”, F.-F. Navruzova placed a questionnaire of eight questions, to which the editors received more than 30 answers. On February 15, 1913, the educator published her analysis. Taking into consideration the answers to Question No. 1, F.-F. Navruzova stated general dissatisfaction with the position of the Tatar woman: the lack of normal schools and harassment by husbands. Analyzing the answers to Question No. 2, she came to the conclusion that national schools did not provide a comprehensive education, and in Russian schools girls were forced to hide their national feelings (milli khis) and their Muslim identity. The educator called for the introduction of secular disciplines, as well as the Russian language, into the curriculum of national schools, and Islamic religious studies in state schools [65].

F.-F. Navruzova was not only a theorist, but also a practitioner. On January 1, 1910, in Tomsk, at 14 Tatarsky Lane, a legal Navruzova’s Muslim women’s school was opened - the first elementary school in the city for girls from Muslim families. On April 16, 1912, the founder held public examinations in her mekteb [66]. In 1912, the second Mohammedan girls’ school headed by Akhun Khamitov was officially opened [3, p. 174]. In the Tobolsk Province, next to the largest Jadid madrasah in Yembayevo, the Saidukovs, at their own expense (5 thousand rubles), founded a women’s madrasah (actually a mekteb). In the Tobolsk Province, classes for girls were also conducted at the madrasas of the city of Tara, the city of Tobolsk and the Turbinsky madrasah [55, pp. 189–190].

Idols and holidays

Who were considered to be idols in Jadid mektebs and madrasas, and what new holidays were celebrated there and in general by the Muslims of Siberia? The year 1913 will remain in the Tatar culture, first of all, as the year of G. Tukay’s death (1886–1913). The 26-year-old poet will become the first of the well-known national figures of his contemporary and even older generations that passed away. After his death, his cult has begun to build up, and the Muslims of Siberia did not stay out of it. In April 1913, the Irkutsk imam and mughallim G. Abdrashitov compared the significance of G. Tukay’s death to the death of the classic of Turkish literature Ahmad Midhat. In Irkutsk, after the Friday prayer, a meeting of shakirds was organized, where they read a prayer in honor of

Tukay and told his biography [67]. On April 4, 1913, an evening in memory of G. Tukay was held in the madrasah at the 1st Cathedral Mosque of Tomsk (imam Kh. Khamitov), the Koran and a prayer in his honor were read, and the teachers introduced the participants to his works [68].

The celebration of Mawlid became an important innovation among the Muslims of Siberia in the early 1910s. This tradition was founded by G. Barudi, the imam of the 5th Mosque and the mudarris of the Muhammadiya Madrasah in Kazan. On February 17, 1913, a Mawlid celebration was held in a mekteb at the same 1st Cathedral Mosque of Tomsk. A theatrical performance, organized by the Tomsk Society of Progressive Muslims, was called to help poor shakirds. It included Tatar melodies and music and managed to collect 300 rubles [68]. On January 13, 1915, the evening of Mawlid was held in the Irkutsk mosque. Speeches were delivered by Imam G. Abdrashitov ("Religion of Islam"), teacher H. Gabitov ("History of Islam") and K. Yuldashev ("On the Prophet Muhammad"). On January 14, Mawlid was held in the women's mekteb, where their teacher Khadicha Shamigulova spoke about the Prophet Muhammad. Here again we see girls' (kyzlar) access to the Muslim space [69]. On February 4, 1913, Mawlid was celebrated in Olekminsk where national poems were read, including "Bayram Bugen" ("It Is a Holiday Today") by the classic of Tatar literature G. Tukay [60]. This is the example of how Muslim and actually national Tatar traditions are interrelated. As there was no female mektebs in Omsk, Imam M. N. Suleimanov organized a celebration of Mawlid for girls in the house of Akhmad-bay Abdulmenov on February 18, 1913. [29]. On February 21–22, 1913, during Mawlid, a literary evening was organized in Chita, in a mekteb; a theatrical performance in the Tatar language was shown, presenting the classic Tatar comedy "Berenche Theater" ("The First Theater") by Galiaskar Kamal [70]. The play glorifies progressive Tatar youth who, having staged a play, attract the Muslim population of the entire city to the performance.

Another new holiday was the Hijri New Year celebration. On October 25, 1915, the festival marking the beginning of Muharram, that is, the Hijri New Year, took place in the Irkutsk Cathedral Mosque. The newspaper article about this event was called "A New Holiday in Irkutsk". It was held in the mosque after the yastu prayer. Children read the Koran and verses. Gubaidullin, a teacher, spoke about the meaning of Muharram's first day and read pieces from the Prophet Muhammad's

sira (biography). Teacher Gabitov described what religion and Sharia were, what public mind was from the point of view of religion and Sharia, what place "adab" occupied. At the request of Gabitov, 26 rubles were collected to help the orphans of Kars, the victims of the First World War. At the women's school, Khadicha Shamigulova and Khanifa Khisametdinova read beautiful sermons about the beginning of Muharram [71].

Charitable societies have created a tradition of holding Sabantuy in Siberia, the festival which had no roots in the Siberian Tatar soil. They began to raise funds for public needs. On June 29, 1912, the Charitable Society organized a Sabantuy celebration at the Tomsk hippodrome, Tatar music was played there. On May 19, 1913, the Sabantuy celebration raised the sum which amounted to about 1,000 rubles. [72]. Sabantuy, held on May 18, 1914, raised 431 rubles. Compared with 1913, it showed a sharp reduction in the amount of donation. In 1913, the Charitable Society managed to mobilize almost all segments of the population, while in 1914 many people listened to the opinion of the akhun and the local native Kh. Khamitov, who said that those who went to the celebration would return "wearing a curse collar" [73]. In 1914, the authorities of Irkutsk provided a hippodrome for free for Sabantuy celebrations. The organizer was the Irkutsk Muslim Charitable Society, for which 458 rubles were raised [74].

Results

Our analysis of the press of 1905–1918 proves that the Muslim Tatars of Siberia in the 1910s formed full-fledged Jadid infrastructures of Muslim communities, primarily urban ones, serving the needs of the Muslims in the cultural and educational spheres in the region. At the same time, these structures were formed based on the model of the Tatar structures in the Volga-Ural region. These regions provided personnel for the Jadid education, including girls' education. The natives of Siberia preferred to be part of these all-Russian Muslim structures with centers in European Russia, especially the OMSA-CSBM (Central Spiritual Board of Muslims), rather than create autonomous Muslim Siberian structures like Russian Siberian regionals used to do.

Conclusions

In the 1910s, we observe the emergence of the Muslim Jadid infrastructure of the Siberian Muslims, which generally repeated the infrastructure of the Muslims of European Russia, as well as the

system of its symbols. The peak of Siberian structures was reached in Tomsk, where in January 1918 the process of unification affected both political structures (Milli Shuro, the Muslim Bureau) and charitable (a charitable society), educational (3 male and 2 female mektebs), cultural (library), military (Harbi Shuro), theatrical (musical and theatrical societies) institutions, the press (the newspaper “The Chulpan”) and even the Tomsk provincial organization of the clergy.

If we take only the educational and cultural spheres, we see that the Muslim Tatars of Siberia and European Russia were united by their desire to create a Jadid education (including women’s education), translations of sermons into their native Tatar language, contacts with the all-Russian Muslim Jadid press (here G.-R. Ibragimov played the key role in 1905–1907; the Navruzovs– in February 1912–February 1914; Z. Kadiri– from October 1914 to April 1918), the creation of Muslim libraries [75], theatrical performances in the Tatar language, cooperation with the Tatar publishing houses of European Russia, which published their works. New holidays for the Muslims of Siberia were Mawlid, Hijri New Year and Sabantuy. In Siberia, the cult of Tukay as a Tatar national poet was taking shape. However, on the pages of more than a thousand newspapers, we were unable to find any traces of building a Siberian Muslim, Siberian-Tatar, or any other non-Tatar identity among the Muslims of Siberia. However, we will be very grateful if such information is provided in a comprehensive and conceptual way.

References

1. Pavlinova, R. N. (2018). *Musul'manskie obshhiny Aziatskoj chasti Rossijskoj imperii v seredine XIX – nachale XX v.: po materialam uchetyh vedomostei OMSD* [Muslim Communities of the Asian Part of the Russian Empire in the Middle of the 19th – early 20th Centuries: Based on the OMSA Accounting Statements]. R. N. Pavlinova, A. N. Starostin, A. P. Jarkov; Kazanskii federal'nyi universitet. 489 p. Kazan', izd-vo Kazanskogo un-ta. (In Russian)
2. *Musul'mane na Dal'nem Vostoke Rossii: istoriya i sovremennost'* (2020) [Muslims in the Russian Far East: History and Modernity]. A. S. Garifullin, R. N. Pavlinova, D. V. Rudenkin, A. N. Starostin; avtor-sost., gl. redaktor A. N. Starostin. 590 p. Kazan', Algoritm+. (In Russian)
3. Markova, M. F. (2008). *Tatary-musul'mane Tomskoi gubernii: 1880-e gg. – fevral' 1917 g.: dis. ... kandidata istor. nauk* [Muslim Tatars of the Tomsk Province: 1880s–February 1917: Ph.D. Thesis]. Tomsk, 257 p. (In Russian)
4. Bobkova, G. I. (2009). *Tatarskie obshhiny Irkutskoi gubernii (konets XIX – nachalo XX v.)* [Tatar Communities of the Irkutsk Province (the late 19th– early 20thcc.). 219 p. Irkutsk, izd-vo Irkut. gos. un-ta. (In Russian)
5. Bustanov, A. K. (2013). *Knizhnaya kul'tura sibirskih musul'man* [The Book Culture of the Siberian Muslims]. 264 p. Moscow, Marjani. (In Russian)
6. Bustanov, A. K., Korusenko, S. N. (2010). *Rodoslovnye sibirskih bukhartsev: Im'yaminovy* [Genealogies of Siberian Bukharians: Imyaminovs]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, No. 2, pp. 97–105. (In Russian)
7. Muhammad-Vagiz (1912). *Sibiriya* [The Siberia]. No. 1, February 18. (In Tatar)
8. Muhammad-Vagiz (1912). *Sibiriyaqe kuchumeselese* [The Issue of Settlement in Siberia]. *Sibiriya*. No. 5, March 17. (In Tatar)
9. Fahreddin, R. (1902). *Asar* [The Memorials]. 1 jild. 3 yuz'ya. Orenburg, pp. 87–160. (In Tatar)
10. Fahreddin, R. (2010). *Asar* [The Memorials]. Vol. 3-4. 648 p. Kazan, Ruhayat. (In Tatar)
11. Bustanov, A. (2015). *Abd al-Rashid Ibrahim's Biographical Dictionary on Siberian Islamic Scholars*. *Kazan Islamic Review*. No. 1, pp. 10–78. (In English)
12. Ibrahimov, G.-R. (no year given). *Tarjema halem* [An Autobiography]. 123 p. Saint-Petersburg. (In Tatar)
13. *Tomski musul'man mekteplere* (1913) [Moslem Schools in Tomsk]. *Sibiriya*. No. 118. June 9. (In Tatar)
14. *Tomski* (1917) [Tomsk]. *Tormysh*. No. 626. April 12. (In Tatar)
15. *Tomski heberlere* (1917) [News from Tomsk]. *Tormysh*. No. 641. May 3. (In Tatar)
16. Galimullin, F. F. (2003). *Publitsisticheskie proizvedeniya G.-R. Ibragimova kak istochnik dlya izucheniya tatarskogo obshhestvennogo-publitsisticheskogo dvizheniya (nachalo XX v.): dis. ... kand. istor. nauk* [The Journalistic Works of Mr. Ibragimov as a Source for the Study of the Tatar Social and Journalistic Movement (early 20th c.): Ph.D. Thesis]. Kazan', 182 p. (In Russian)
17. Khabutdinov, A. Ju. (2001). *Formirovanie natsii i osnovnye napravleniya razvitiya tatarskogo obshhestva v kontse XVIII – nachale XX v.* [Formation of the Nation and the Main Directions of the Tatar Society Development in the Late 18th– early 20th Centuries]. 383 p. Kazan', Idel. (In Russian)
18. Cwiklinski, S. (2012). *Abdürreşid İbrahim (1857–1944)* [Abdürreşid İbrahim (1857–1944)]. Eine Biografie Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie. 182 p. Berlin. (In German)
19. Turkoğlu, I. (1997). *Sibiryalı Meşhur Seyyah Abdurreşid İbrahim* [The Famous Siberian Traveler Abdurreşid İbrahim]. (Turkiye Diyanet Vakfı Yayınları 256). 103 p. Ankara. (In Turkish)
20. Garipova, R. (2020). *Rol' Rizaetdina Fahreddina v reforme musul'manskogo semeinogo prava v Rossijskoj imperii* [The Role of Rizaetdin Fahreddin in the Reform of Muslim Family Law in the

Russian Empire]. *Istoricheskaya etnologiya*. Vol. No. 2, pp. 206–224. (In Russian)

21. Shablei, P. S. (2021). *Musul'mane goroda Tary i Kazahskaya step': sotsiokul'turnye vzaimodeistviya v XIX – nachale XX veka* [The Muslims of the City of Tara and the Kazakh Steppe: Socio-Cultural Interactions in the 19th- Early 20th Centuries]. *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya*. No. 11. Vol. 1, pp. 104–114. (In Russian)

22. *Tormysh* [Tormysh]. (1917). March 25. (In Tatar)

23. *100-letie Obrazovaniya Tatarskoi ASSR: Sbornik dokumentov i materialov* (2017) [The 100th Anniversary of the Formation of the Tatar ASSR: A Collection of Documents and Materials]. V 3 tomakh. Sost. Z. S. Minnullin, red. R. R. Fahrutdinov., R. R. Hairutdinov. T. 1. 520 p. Kazan', Zaman. (In Russian)

24. *Bashkort kechkene parlamenty heyate* (1918) [The Commission of the Small Bashkir Parliament]. *Tormysh*. No. 779, January 5. (In Tatar)

25. *Khoiyat al-Khakim Mahmudovny haty* (1918) [The Letter of Khoiyat al-Khakim Mahmudov]. *Chulpan*. No. 3, March 5. (In Tatar)

26. *Grazhdanskaya voina v Rossii i musul'mane* (2014) [The Civil War in Russia and Muslims]. *Sbornik dokumentov i materialov*. 808 p. Moscow, Centr strategicheskoi konyunktury. (In Tatar)

27. Suleimanov, N.-M. (1910). *Turki hutbalar* [Hutbas in the Turkic Language]. 1^{oe} izd. 300 p. Orenburg. (In Tatar)

28. Suleimanov, N.-M. (1911). *Turki notyklar* [Speeches in the Turkic Language]. 52 p. Orenburg. (In Tatar)

29. *Sibiriya. Omski maktub* (1913) [Siberia. The Letter from Omsk]. *Sibiriya*. No. 92, March 28. (In Tatar)

30. Mahmudov, H. H. (1917). *Marhum Niyaz Muhammad efende Suleimanov* [The Deceased Niyaz Muhammad efende Suleimanov]. *Meshuret*. Pp. 69–71. (In Tatar)

31. Ibrahimov, R. (1914). *Sibiriya den baryshlyi* [Driving through Siberia]. *Tormysh*. No. 96, August 6. (In Tatar)

32. Ibrahimov, R. (1914). *Sibiriya den baryshlyi* [Driving through Siberia]. *Tormysh*. No. 100, August 20. (In Tatar)

33. *Tomski heberlere* (1918) [News from Tomsk]. *Tormysh*. No. 790, January 23. (In Tatar)

34. *Sibiriya* [Siberia]. (1912). No. 13, May 20. (In Tatar)

35. *Tomski heberlere* (1913) [News from Tomsk]. *Sibiriya*. No. 127, July 5 (In Tatar)

36. *Tomski heberlere* (1913) [News from Tomsk]. *Sibiriya*. No. 131, July 14 (In Tatar)

37. *Tomski heberlere* (1913) [News from Tomsk]. *Sibiriya*. No. 132, July 18. (In Tatar)

38. Khabutdinov, A. Ju. (2017). *Vserossiiskii sezd musul'manok* [The All-Russian Congress of Muslim Women]. *Islam v Tatarstane. Entsiklopedicheskii slovar'*. Pp. 60–61. Moscow, ID Medina. (In Russian)

39. Khabutdinov, A. Ju. (2001). *Organy natsional'noi avtonomii tyurko-tatar Vnutrennei Rossii i Sibiri v 1917–1918 gg.* [The Bodies of the National Autonomy of the Turko-Tatars from Inner Russia and Siberia in 1917-1918]. Vologda, 61 p. (In Russian)

40. *Muhammad-Vagiz. Yardem emgyiatemez* (1912) [Our Charitable Societies]. *Sibiriya*. No. 3, March 3. (In Tatar)

41. Khabutdinov, A. Ju. (2022). *Blagotvoritel'nye musul'manskii obshchestva* [Charitable Muslim Societies]. *Islam v Sibiri. Entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, ID Medina. (In print). (In Russian)

42. Denisov, D. N. (2011). *Ocherki po istorii musul'manskikh obshchin Chelyabinskogo kraya (XVIII – nachalo XX v.)* [Essays on the History of Muslim Communities of the Chelyabinsk Region (the 18th– Early 20th Centuries)]. 255 p. Moscow, ID Marjani. (In Russian)

43. *Rukhaniler oeshmasy* (1917) [The Society of Clergy]. *Tormysh*. No. 690, July 27. (In Tatar)

44. Khabutdinov, A. Ju. (2022.). *Religioznye deyateli v obshchestvennom dvizhenii musul'man Volgo-Ural'skogo regiona v 1917 g.* [Muslim Clergy Activities in the Volga-Ural Region in 1917]. *Islam v sovremennom mire*. No. 2. pp. 133–146. (In Russian)

45. *Yanga mektep* (1906.) [The New School]. *Ulfat*. No. 38, September 6. (In Tatar)

46. Veliev, G. (1913). *Tomski gubernasy Novonikolaevsk shehereneng mektebe* [The School in the Town of Novonikolaevsk in the Tomsk Province]. *Sibiriya*. No. 68, January 8. (In Tatar)

47. Suleimanov, Z. (1914). *Sibiriya den. Novonikolaevsk* [From Siberia. Novonikolaevsk]. *Tormysh*. No. 114, September 24. (In Tatar)

48. Gabitov, H. (1915). *Irkutskida mekteplere* [Schools in Irkutsk]. *Tormysh*. No. 335, October 11. (In Tatar)

49. Ibrahimov, R. (1914). *Sibiriya den baryshlyi* [Driving through Siberia]. *Tormysh*. No. 94, August 1. (In Tatar)

50. Urmanova, Kh. (1912). *Hatyn-kyzlar* [Women and Girls]. *Sibiriya*. No. 16, June 10. (In Tatar)

51. Khabutdinov, A. Ju. (2022). *Sezd musul'man Ufimskii gubernskii, Pervyi* [the First Congress of Ufa Provincial Muslims]. *Islam v Bashkortostane. Entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, ID Medina, (in print). (In Russian)

52. *Hatynnarynyng sajlau eshlerene katnashulary Mehkeme-i-Shargyja hitaby* (1917) [The Appeal of Mehkeme-i-Shargyja on Participation of Women in the Elections]. *Tormysh*. No. 693, August 1. (In Tatar)

53. *Rizvan efende Ibrahimov* (1913) [Rizvan Efende Ibrahimov]. *Sibiriya*. No. 131, July 14. (In Tatar)

54. Amin Kasim (1912). *Novaya zhenshina* [The New Woman]. 119 p. St. Petersburg, Tipografiya V. F. Kirshbauma. (In Russian)

55. *Medreselerde kitap kishtese* (1992) [The Shelf of Books in the Madrasah]. 236 p. Kazan, Tatknigoizdat. (In Tatar)

56. *Rechebakiev M.-R.* (1912) [Rechebakiev M.-R.]. *Sibiriya*. No. 16, June 10. (In Tatar)
57. “*Tatar ugly*”. *Medrese Galiya diniya* (1913) [The Madrasah Galiya Diniya]. *Sibiriya*. No. 108. May 15. (In Tatar)
58. *Ufadagy “Medrese Galiya diniya” idaresennen* (1913) [From the Board of “Madrasah Galiya Diniya” in Ufa]. *Sibiriya*. No. 132, July 11. (In Tatar)
59. *Troitskede medrese “Muhammadiya” idarese tarafynnan* (1913) [From the Board of Madrasah “Muhammadiya” in Troitsk]. *Sibiriya*. No. 136, July 28. (In Tatar)
60. *Sibiriya heberlere* (1913) [The News from Siberia]. *Sibiriya*. No. 81, March 1. (In Tatar)
61. *Fatyima-Feride* (1912). *Khatyn-kyzlar dun'yasy* [The Women and Girls’ World]. *Sibiriya*. No. 3, March 3. (In Tatar)
62. *Fahredden, R.* (1898). *Tarbiyale ana* [The Enlightened Mother]. *Kazan', izd-vo Imperatorskogo un-ta.* (In Tatar)
63. *Sibiriya* (1913) [The Siberia]. No. 77, February 15. (In Tatar)
64. *Fatyima-Feride* (1912). *Khatyn-kyzlar dun'yasy* [The Women and Girls’ World].| *Sibiriya*. No. 4. March 10 (In Tatar)
65. *Fatyima-Feride* (1913). *Khatyn-kyzlar dun'yasy* [The Women and Girls’ World]. *Sibiriya*. No. 77. February 15. (In Tatar)
66. *Sibiriya* (1912) [The Siberia]. No. 8, April 14. (In Tatar)
67. *Sibiriya* (1913) [In Siberia]. *Sibiriya*. No. 99, April 21. (In Tatar)
68. *Sibiriya* (1913) [The Siberia]. No. 95, April 5. (In Tatar)
69. *Gabitov, H.* (1915). *Sibiriya*. *Irkutskida meulid kichese* [From Siberia. Christmas Party in Irkutsk]. *Tormysh*. No. 179, February 5. (In Tatar)
70. *Sibiriya* (1913) [In Siberia]. *Sibiriya*. No. 97, April 15. (In Tatar)
71. *Sibiriya*. *Irkutta yanga beireme* (1915) [In Siberia. The New Holiday in Irkutsk]. *Tormysh*. No. 353, November 10. (In Tatar)
72. *Tomski heberlere* (1913) [News from Tomsk]. *Sibiriya*. No. 111. May 22. (In Tatar)
73. *Tomski heberlere. Saban tue* (1914) [News from Tomsk. Saban Tue]. *Tormysh*. No. 70. June 1. (In Tatar)
74. *Teshkekur* (1914) [Acknowledgments]. *Tormysh*. No. 74. June 11. (In Tatar)
75. *Khabutdinov, A. Ju., Yarkov, A.* (2022). *Biblioteki musul'manskie* [Moslem Libraries]. *Islam v Sibiri. Entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, ID Medina (in print). (In Russian)

ТАТАРСКИЕ СТРУКТУРЫ СИБИРИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Айдар Юрьевич Хабутдинов,

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия,
Россия, 420088, г. Казань, ул. 2-я Азинская, д. 7А,
aihabutdinov@mail.ru.

Статья посвящается изучению эволюции татарских структур Сибири начала XX века. На основе анализа прессы в указанный период доказывается, что в этот период абсолютное большинство мусульман Сибири идентифицировало себя как татар, членов единой нации-миллета, обладающих татарским литературным языком, который использовался как язык обучения. В работе констатируется, что среди структур, созданных до Февральской революции 1917 г., преобладают благотворительные общества, библиотеки, мужские и женские мектебы. В Томске были созданы газета «Сибирь» и музыкально-театральное общество. В 1917 – начале 1918 г. появляются Мусульманские бюро в городах, проводятся губернские мусульманские съезды, оформляются Мусульманские Шуры (Национальные Советы), отделения Харби Шуры (Военные Советы). Мусульмане Сибири фактически отказались от создания параллельных структур, например собственного Духовного Собрания. В статье зафиксировано появление моды у мусульман Сибири по образцу мусульман Европейской России на проведение праздников: Мавлид, Новый год по хиджре, Сабантуй. Доказано, что в галерее символических лидеров ключевое место занимает Габдулла Тукай как татарский национальный поэт.

Ключевые слова: татары, мусульманская община, Сибирь, благотворительные общества, пресса, женское образование

Введение

С 1990-х гг. делается упор на разработку темы «сибирских татар» как особой нацио-

нальной общности со своим языком, литературой, особой историей и своими общественно-политическими структурами. Во время работы

над словарем «Ислам в Сибири» (одним из серии словарей «Ислам в Российской Федерации») мы не задавались целью развенчать какую-либо концепцию. Вынуждены констатировать отсутствие в регионах Сибири специалистов, владеющих литературным татарским языком начала прошлого века и умеющих читать источники на арабском шрифте. Оказалось, что сибирские специалисты знают реалии своего региона, но, к сожалению, не способны выстроить ситуацию в общесибирском и общероссийском контексте.

Цель данного исследования – рассмотреть мусульманские структуры Сибири в начале XX века. В нашу задачу входит выявление изменений в их деятельности в указанный период через сравнение с аналогичными татарскими структурами джадидской эпохи. Мы постараемся сформировать представление об основных субъектах создания этих структур и новых показателях идентичности.

Новизна нашего исследования состоит в изучении эволюции структур мусульман Сибири начала XX века как целостного феномена. В фокусе нашего внимания оказались национальное образование для мальчиков и девочек, благотворительные общества, пресса, деятельность лидеров в сфере религии, образования, прессы, а также специфика структуры татарской национальной картины мира. В статье также рассматривается новая система координат, складывающаяся у мусульман Сибири в начале прошлого века в лице понимания места мусульман Сибири в общетатарском пространстве, включая национальные общественные организации, систему образования на родном языке, роль девочек и женщин, новые праздники и новых кумиров

Целостного научного исследования истории мусульман Сибири не существует. Имеющиеся два труда, скорее, выполняют функции трактовок, то есть собрания данных по регионам, где просто подбираются примеры, данные по приходам сведены в таблицы [1],¹ приводятся интервью и объединена информация по теме, имеющаяся на русском языке [2]. Особенностью ряда детальных исследований является их ограничение по времени Февральской революцией, хотя реальная возможность создать самые различные структуры, включая образовательные (например, Томская дар уль-мугаллимин – мужская учительская школа), по-

являются как раз после падения царского режима.

М. Ф. Маркова проанализировала жизнь татар-мусульман Томской губернии [3], а Г. И. Бобкова – Иркутской губернии (конец XIX – начало XX в.) [4]. Недостатком работ является отсутствие в базе источников документов на литературном татарском языке, в том числе татароязычной прессы.

В историографии вне Татарстана, особенно у татар – «коренных уроженцев» Западной Сибири, принято делать акцент на связи татар Сибири с Бухарой и изображать элитарную в интеллектуальном плане группу мусульманского населения Сибири как «сибирские бухарцы». В качестве обобщающего термина эти исследователи используют термин не «сибирские татары», а «сибирские мусульмане» (см. напр.: [5], [6]).

Методы и методы исследования

В нашем исследовании в качестве источников мы сосредоточили внимание на татарской прессе, описывающей религиозные, образовательные, общественно-политические процессы среди мусульман Сибири. Это три основных источника:

1) газета «Ульфат» (всего 85 номеров), которую издавал в Санкт-Петербурге в 1905–1907 гг. отец общественно-политического движения мусульман России, выходец из рода имамов и мударрисов г. Тары (тогда Тобольской губернии) и сам уроженец этого города (Габдер)рашид казый Ибрагим(ов). Там статьи о жизни мусульман Сибири немногочисленны, но Рашид казый стремился дать в корреспонденциях с мест анализ ситуации в мусульманской общине Тобольской губернии в сферах образования и политики;

2) газета «Сибирия», которая выходила в Томске в феврале 1912 – августе 1913 г. и редактировалась супругами Наврузовыми (уроженцами Казанской губернии). Несмотря на короткий период своего существования (145 номеров), в газете нашло отражение широкая картина общественной жизни Сибири и прежде всего мусульман Томска (благотворительность, мусульманское образование для мальчиков и девочек, деятельность мусульманских библиотек) в период относительной оттепели в национально-религиозной политике государства, наступившей при председателе Совета министров Российской империи В. Н. Коковцове (сентябрь 1911 – январь 1914 г.) и связанной с празднова-

¹ Показательно, что здесь в качестве первого автора фигурирует магистрант.

нием 100-летия Отечественной войны 1812 г. и 300-летия династии Романовых. Переводы статей из этих двух газет хотя бы частично используются в научных исследованиях и на сайтах татар Сибири.

3) Газета «Тормыш», которая выходила в Уфе в октябре 1913 – апреле 1918 г. (всего 832 номера). Она была создана супругами Наврузовыми, активно сотрудничавшими в ней до февраля 1914 г. В этом издании была рубрика «В Сибири». К сожалению, этот источник был проигнорирован учеными и краеведами при изучении мусульман Сибири.

Все три газеты испытывали трудности из-за отсутствия корреспондентов на местах. Благодаря этим изданиям, мы имеем наиболее целостную картину мусульманской общественной жизни по Томску, частично Иркутску, другим губерниям и областям Сибири, изредка – Якутской областей и Приамурского генерал-губернаторства (включавшего территории современной Амурской области и Хабаровского края).

Особо хотелось бы выделить материалы, подписанные Нури (Мухаммад-Нури Бухараев), в которых дается картина общественно-политической и образовательной жизни мусульманской общины Томска в 1917 – начале 1918 г. в контексте движения Сибирского областничества, когда именно в Томске собирались Сибирские съезды, провозгласившие автономию Сибири и создавшие ее правительство.

Наиболее активно была освещена деятельность бессменного главы прихода Новониколаевска (ныне Новосибирска), а затем имама мечети Гариф(уллы) Валиева (1907–1935.) и второго имама Иркутской мечети Губайдуллы Габдуллашита (1911–1915).

Статья основана на использовании сравнительно-исторического, проблемно-хронологического методов, метода синхронного анализа, периодизации, классификации и др.

Обсуждение

Мухаммад-Вагиз Наврузов в первых номерах первой сибирской татарской газеты «Сибирия» выступил с рядом программных статей. Так, в передовице первого номера он размышляет о необходимости газеты на татарском языке для мусульман Сибири, чьей целью должно стать служение татарской нации («*милләт*»). Сибирское государство («*мәмләкәт*») он назвал колыбелью наших героических предков, сотрясавших мир

(«*каһарман бабаларымыз*»). По его убеждению, газета должна была превратиться национальное и религиозное руководство («*һидаят*») для написания статей из татарского жизни [7].

В № 5 М.-В. Наврузов опубликовал статью про переселение в Сибирь. Он выступил против эмиграции мусульман Крыма и Кавказа в Османскую империю, раскритиковал российских мусульман за слабое переселение в Сибирь. М.-В. Наврузов заявил, что «Сибирия» должна оказывать помощь переселенцам, а имамы обязаны объяснять мусульманам условия переселения в Сибирь [8].

Связи в сфере образования и религиозного устройства между Волго-Уральским регионом и Сибирью возникли в начале XIX века. На это указывают материалы «Асар» Ризы Фахреддина [9], [10] и биографический словарь ученых Сибири у (Габдер)рашид казый Ибрагим(ова) [11]. Нельзя забывать, что, согласно «Указу именного, данного Сенату 22 сентября 1788 г., „о назначении муфтия над всеми людьми магометанского закона, обитающими в России“», Оренбургское магометанское Духовное собрание (ОМДС) распространяло свою юрисдикцию на всех мусульман России, «исключая Таврическую область» [12, с. 1107–1108], то есть включая всю Сибирь и Дальний Восток.

Наиболее старым по времени основания из стабильно существующих в досоветский период медресе было медресе г. Тары Тобольской губернии (ныне Омская область). Его основал Фазыл бин Ибрагим бин Кутлугамед аль-Эчкени аль-Альмени (?–1822), чей род происходил из г. Касимова Рязанской губернии (ныне области). Он был имамом и мударрисом в д. Альменево Челябинского уезда Оренбургской губернии (ныне район одноименного района Курганской области). Образование получили в медресе Абдулваххаба б. Шариф в Белебеевском уезде Уфимской губернии (ныне Республика Башкортостан), затем в медресе Каргалы под Оренбургом. Был сторонником идей Абунасыра аль-Курсави. В 1816 г. совершил поездку в г. Тару, где преподавал в медресе и фактически его создал. Вернулся в родную деревню, оставив в г. Таре вместо себя своего ученика Ибрагима бин Джагфара. Среди известных улемов Сибири, учеников Фазыла бин Ибрагима, Р. Фахреддин упоминает только шейха Рузи-ишана ат-Тубули, не оставившего влиятельных учеников [9, с. 159]. Эти связи Тары и Альменево продолжали существовать и в

следующие десятилетия. Рашид-казый Ибрагим (1857–1944) после первоначального обучения в родной Таре образование получил в медресе Альменево (1867–1871), затем Тюмени (1872–1876) и прибыл в медресе Кышкара Казанской губернии (ныне Арский район Республики Татарстан) в 1877 г. [12, с. 15–21]. Таким образом, речь здесь идет именно о традиции мусульманской учености Волго-Уральского региона, да еще в таком крайнем варианте противостояния бухарской схоластике и всему религиозному истеблишменту, как идеи Абуннасыра аль-Курсави.

Гораздо более влиятельными были ученики другого мударриса в Таре – Рахматуллы б. Йусуф ал-Йангурази ат-Тарави (Янгуразов, ок. 1824–1887). Он родился в д. Енгураз(ово) Темниковского уезда Тамбовской губернии (ныне Енгуразово Темниковского района Республики Мордовия). Первоначальное образование получил у отца, а затем у Ни'матуллаха б. 'Абд ар-Рахима (Нигматулла Габдрахимов) в медресе при 1-й Соборной мечети Оренбурга, Якуба б. Яхьи аль-Кышкари и Исмаила б. Мусы аль-Кышкари (оба в медресе Кышкар Казанского уезда и губернии) [10, с. 139–143], то есть речь идет о центрах традиционного образования, которые можно отождествить с кадимизмом. Рахматулла б. Йусуф не направился в Бухару ни за получением богословского знания, ни даже для получения документа о легитимности суфского шейха – иджазы. В Османской империи его шейхом был Муджаби, там Рахматулла стал последователем суфийского тариката накшбандийа-халидийа. Отметим, что за получением иджазы накшбандийа-халидийа отправился в Стамбул и виднейший из шейхов-джадидов Зайнулла Расули. В 1876 г. Рахматулла уехал в Петропавловск (ныне Казахстан), где попытался стать имамом 4-й мечети, и только в 1884 г. стал имамом 6-й мечети Петропавловска. Влияние Рахматуллы б. Йусуфа на улемов Сибири было велико, так как два его ученика играли важную роль в двух ключевых регионах Восточной и Западной Сибири: Хамза-ахун б. Мухаммад-Амин (Хамза ахун Хамитов – имам и ахун в Томске, занимал пост и имама долгие 55 лет с 1876 г. по 1931 г.) и Мутасам б. Билал аль-Камрави (имам в Камаруских юртах Тобольской губернии, ныне Тюменская область). Личность первого крайне неоднозначна. С одной стороны, его действия были вполне в стиле кадимизма, когда он не дал провести джадидскую реформу Томского медресе, начавшуюся в пе-

риод революции 1905–1907 гг. [13]. Но это можно объяснить его личными интересами, так как речь шла о потере им реального контроля над медресе. При этом другие действия Хамзы ахуна Хамитова ставят его в ряды сторонников идей джадидов. 22 мая 1910 г. собрание под председательством ахуна Х. Хамитова постановило учредить в Томске общественное мусульманское женское училище рядом с Соборной («Красной») мечетью г. Томска. Учительницей русского языка была избрана Х. К. Комарова, дочь ахуна Хамитова. Школа содержалась на средства Томского мусульманского общества-прогрессистов, однозначно джадидской организации. Х. Хамитов не удержало даже то, что 16 июня 1910 г. попечитель Западно-Сибирского учебного округа отказал благотворительному обществу в ходатайстве об открытии в Томске женского мусульманского училища, школа была создана и действовала без разрешения губернского управления до 1912 г. [3, с. 171–173]. После Февральской революции 1917 г. на волне смещения муфтия ОМДС М.-С. Баязитова и других близких к властям имамов 12 апреля Томское Мусульманское бюро приняло решение временно отстранить ахуна Хамитова [14]. Однако татараская молодежь Томска выступила в защиту ахуна: в письме с 39 подписями утверждалось, что ахун поддерживал деятельность театра, мектеба и медресе, библиотеки. Хамитов якобы выпустил фетву, по которой женщины могли посещать мечеть, читать там намаз, участвовать в деятельности театра, библиотеки и благотворительных обществ наряду с мужчинами, так как это не противоречит Корану [15]. Популярного в 1917 г. опровержения этому письму не последовало, что ставит идеи и деяния Х. Хамитова близкими к идеям в женском вопросе радикальных джадидов, таких как Зыя Камали, Муса Биги. Такое равноправие женщин, разумеется, бесконечно далеко от бухарской схоластической традиции.

Р. Фахреддин, кроме Хамзы Хамитова, называет авторами биографии Рахматуллы трех виднейших джадидов – его учеников: Г.-Р. Ибрагимов и имама, затем казья ЦДУМ в 1917–1920 гг. Худжат аль-хакима Махмудова, а также имама Нияза-Мухаммада Сулейманова. Первый и второй по сословному признаку проходят как сибирские бухарцы, второй как «сибирский инородец», но все трое сыграли большую роль в борьбе против бухарской схоластики и кадимизма и за единство мусульман-татар Европы и Азиатской России. Деятельность Г.-Р. Ибрагима

как отца общественно-политического движения мусульман России в начале прошлого века, инициатора созыва I–III Всероссийских мусульманских съездов 1905–1906 гг. и создания всероссийской мусульманской либеральной партии «Иттифак аль-муслимин» широко изучена [16], [17, с. 180, 194–201, 206–214], [18], [19].

Остановимся на деятельности последних двух деятелей, которые менее известны, но сыграли важнейшую роль в обеспечении правового и организационного единства мусульман Европейской России и мусульман Сибири в 1900–1910 гг.

Махмудов Худжат ал-Хаким (Худжат ал-Хаким б. Дауд б. Махмуд б. Нияз-Мухаммад б. Махмуд ал-Махмуди ат-Тарави (1871(3)–1946) – мусульманский религиозный деятель, уроженец г. Тары или Тарского уезда Тобольской губернии, получивший образование у Рахматуллы б. Йусуфа в г. Петропавловске. С 1897 г. служил имам-хатыбом и муадрисом в Соборной мечети (1843) в деревне Аубаткан Тарского уезда Тобольской губернии (ныне Большереченского района Омской области). В 1901 г. в Казани он публикует труд «Интикад аль-аквал би ал-тахкик фи таджвиз ал-никах би ал-та‘лик» («Критическое рассмотрение утверждений, касающихся исполнения брака при определенных условиях»). Эта работа была выполнена по заданию великого улема Ризаэтдина Фахреддинова (тогда кади ОмДС) [20, с. 209]. В ней утверждалась необходимость реформировать некоторые принципы семейного права среди мусульман Российской империи.

Это изменило его судьбу, и около 1902 г. он покидает Аубаткан и после непродолжительного пребывания в городе Атбасаре (Акмолинская область, ныне Казахстан) отправляется в Османскую империю. В Стамбуле с 1902 по 1907 год он изучал работы исламских ученых-реформаторов, сторонников иджтихада и конституционного государства Мухаммада ‘Абдо и Джамал ад-Дина ал-Афгани. Молодой Р. Фахреддин встречался с Афгани в Санкт-Петербурге, а ключевой общественно-политический трактат Р. Фахреддина «Дини ва ижтимагый мæсьәләләр» (Оренбург, 1914) написан под прямым влиянием общественно-политической концепции М. Абдо. Таким образом, даже до начала широкого внедрения джадидизма в медресе Махмудов примыкает к одному из его ключевых идеологов среди богословов. Он сотрудничал с вышеуказанной газе-

той «Ульфат», где публиковал серию статей, посвященных реформе мусульманского образования в Российской империи, в итоге выступил за введение джадидского метода обучения в мектебах и медресе, пропагандировал иджтихад (способность выносить самостоятельное суждение, основываясь на Коране и Сунне, а не на мнениях исламских правоведов) и критиковал таклид (следование авторитетному специалисту в вопросах мусульманского права), ратовал за распространение национальной печати среди тюркских народов Российской империи. Таким образом, на примере еще одного ученика традиционалистского богослова мы видим переход к сугубо джадидской позиции.

В 1910 году Махмудов переезжает из г. Тары в г. Акмолинск (ныне столица Казахстана Астана), где становится имамом второй соборной мечети. Конфликт с местным купцом Нурмухаммедом Забириным привел к устранению Махмудова с должности имама и последующей ссылке в Оренбург. Вероятной причиной конфликта было требование Махмудова о перераспределении полномочий попечителей (мутаваллиялар) при 2-й мечети: предлагалось основные распорядительные функции сосредоточить в руках имама, а не купцов [21, с. 106–108]. Эта идея является прямым заимствованием из Марджани. Затем Махмудов был имамом г. Тургая Тургайской области. Его всероссийская карьера начинается в марте 1917 г.: после смещения казья ОмДС Г. Капкаева Махмудов был избран на его место, получив одобрение от властей Уфимской губернии [22]. На I Всероссийском мусульманском съезде в г. Москве (май 1917 г.) Оренбургское магометанское Духовное собрание (ОМДС) было реорганизовано, и Махмудов был избран казыем Временного Махкама-и шаргия (Духовное управление), на II Всерос. мусульманском съезде в г. Казани (июль 1917 г.) избран членом коллегии Диния назараты (религиозного ведомства) Вақытлы (Временного) Милли Идарэ [23, с. 112]. Перед Первым Сибирским мусульманским съездом (4–12 октября 1917 г.) он отказался занять пост казья планируемого Сибирского областного Духовного собрания [Там же, с. 403]. Оно так и не будет создано вплоть до 1990-х гг., в отличие от Духовного управления Башкирской автономии, избранного 22 декабря 1917 года Башкирским малым курултаем (предпарламентом). И здесь Махмудов вновь займет солидарную позицию с Р. Фахреддином, который откажется занять пост члена-казья Меркез Диния хаяте

(Главного Духовного управления) Башкирской автономии, несмотря на избрание [24].

11 января 1918 г. на сессии Миллет Меджлисе Махмутов был избран членом коллегии Диния назараты Милли Идарэ. В марте 1918 г. в письме в газету «Чулпан»² он вновь выступил против создания отдельного Духовного управления мусульман Сибири. Он утверждал, что были проведены губернские мусульманские съезды в Тоболе, Томске, Иркутской губернии, Акмолинской области, съезды избрали депутатов в Миллет Меджлисе, которые не выступили за создание Духовного управления для мусульман Сибири. В отношении сибирского автономизма Махмудов прямо заявляет, что мусульмане не были готовы к провозглашению территориальной автономии Сибири местными властями [25]. Как Председатель съезда мусульманского духовенства Сибири в г. Новониколаевске (17–23.07.1919 г.) Махмудов вновь выступил за единое Духовное управление мусульман Внутренней России и Сибири в лице Диния назараты Милли Идарэ [26, с. 224–225].

Нияз-Мухаммад Сулейманов формально не занимал высоких постов, однако он сыграл выдающуюся роль в создании хутб (проповедей) на татарском языке. Уроженец деревни Утузы Тарского уезда Тобольской губернии (ныне Тевризский район Омской области) обучался сначала в Тобольском уезде, вероятно в деревне Карагай, а также в медресе г. Тары у Неджметдина хазрата, в Петропавловске у Рахматуллы б. Йусуф ал-Йангурази ат-Тарави (1884–1887). В Петропавловске он занимался книготорговлей. 20 августа 1907 г. был утвержден акмолинским губернатором на пост имама 2-й мечети Омска. Нияз-Мухаммад Сулейманов публиковался в печати сначала в 1906 году в той же газете «Ульфат», являлся автором ряда книг, самыми популярными из которых были «Тәрки хөтбәләр» («Хутбы на тюркском языке», Оренбург, 1910) [27], «Тәрки нотыклар» («Речи на тюрки», Оренбург, 1911) [28], которые печатались в мусульманских издательствах Европейской России. Н-М. Сулейманов настаивал на необходимости проведения проповедей

не на арабском, а на татарском языке (термин «тюрки» использовался из-за многочисленности казахов в мусульманской общине Омска и особенно Акмолинской области). Таких же взглядов придерживался Р. Фахреддин, что опять-таки противоречило кадимистской традиции, ориентированной на Бухару. В феврале 1913 г. обсуждался вопрос о создании женской школы г. Омска, открытие которой поддержал прежде всего Н-М. Сулейманов. 21 февраля 1913 г. соответствующее решение было принято на собрании мусульман Омска в честь 300-летия династии Романовых [29]. Его старшая дочь обучалась в женском училище при медресе Буби в деревне Иж-Буби (Сарапульский уезд Вятской губернии, ныне Агрызский район Республики Татарстан), в 1917 г. преподавала в Омской школе для девочек [30, с. 69–71]. В 1917 г. Н-М. Сулейманов умирает, и его биографию для казанского журнала «Мәшүрәт» пишет Махмудов. Таким образом, мы видим тесное взаимодействие этих трех татар, коренных уроженцев Сибири в общетатарском общественно-политическом, религиозном и культурном проектах. Характерно, что такого рода факты, не вписывающиеся в бухарско-центрированную картину мира, просто изымаются из трудов с формулировкой: «Мы не будем останавливаться на описании событий из жизни Махмудова в период с 1913 по 1921 год, так как они не имеют прямого отношения к проблемам этой статьи» [21, с. 108].

В 1914 г. педагог Ризван Ибрагимов публикует в газете «Тормыш» путевые заметки по Сибири, где анализирует изменения, произошедшие за 7 лет, с 1907 г. Он анализирует прогрессивное развитие мусульманской общины Благовещенска, деградацию в Чите, где местный ахун Султан-Галеев фактически превратил национальную татарскую школу в обычный приходской мектеб после отъезда Р. Ибрагимова [31]. Максимальный прогресс Р. Ибрагимов фиксирует в Томске, где семь лет назад в культурной и образовательной сфере было преобладание ахуна Х. Хамитова, которого Р. Ибрагимов называет врагом культуры. На 1914 г. в Томске существует библиотека, и татары ходят в русский театр, сами устраивают театральные представления. Этот досуг Р. Ибрагимов оценивает положительно, критикует тех, кто просиживает деньги в ресторанах или кафешантанах [32].

² «Чулпан» – общественно-политическая газета, орган Центрального Сибирского Мусульманского совета (ЦСМС, Сибирский центр Милли Шура). Издавалась в Томске в январе – марте 1918 г. на татарском языке. Выходила под лозунгом «Да здравствует Сибирская автономия! Да здравствует национальная и культурная автономия мусульман Сибири».

Инфраструктура джадидской эпохи в Сибири

Р. Ибрагимов ставит очень важный вопрос об инфраструктуре джадидской эпохи. Постараемся проанализировать ее варианты. На январь 1918 г. татарскую мусульманскую инфраструктуру Томска составляли: 1) Гомуми Сибири Шурасы (Всесибирский Совет); 2) Томск мөселман бюросы (Томск мусульманское бюро); 3) Томск мөселман «музыкаль-драма Жәмгыяте» (Томское мусульманское «музыкально-драматическое общество»); 4) Ханымнар Жәмгыяте (Общество женщин); 5) Укучылар Жәмгыяте (Общество учащихся); 6) Мөгаллимнәр союзы (Союз учителей); 7) Мөселман Хәрби Комитет (Мусульманский Военный Комитет); 8) Томск мөселман Жәмгыяте-хэйрия (Томское мусульманское благотворительное общество); 9) Гомуми Сибири дар эл-мөгаллимин (Всесибирская Мужская Учительская школа) [33]. Все эти структуры являются продуктами общероссийских, прежде всего татарских, структур.

На I Сибирском мусульманском съезде (4–12 октября 1917 г.) был создан «Гомуми Сибири Шурасы» (Всесибирский Совет). Сам этот термин восходит к Всероссийскому Мусульманскому совету (Милли Шуро), созданному на I Всероссийском мусульманском съезде в Москве в мае 1917 г.

Название «Мусульманское бюро» характерно для татарских организаций, которые стали возникать сразу после Февральской революции 1917 г. (например, Оренбургское Мусульманское бюро) [17, с. 284, 292].

Томское мусульманское «музыкально-драматическое общество» возникло под влиянием поездок татарских артистов Европейской России в города Сибири и, в частности, в Томск. В мае 1912 г. с гастролью в Томске побывала татарская театральная труппа «Сайяр» [34]. 8 июля 1913 г. в здании Коммерческого собрания прошли гастроли труппы «Нур», где труппой из 4 человек игрались пьесы классика драматургии Галиаскара Камала «Бехетсез егет» («Несчастный юноша») и «Беренче театр» («Первый театр») [35]. 15 июля состоялись спектакли труппы «Нур» в коммерческом собрании (пьеса «Хужа хем приказчик») [36]. Чуть позднее на страницах «Сибиряка» состоялся обмен мнениями после выступления корифеев татарского театра С. Гизатуллиной-Волжской, Сумчинской, М. Мутина, Н. Сакаева, ассистировала им татарская молодежь Томска [37]. В

1913 г. по их инициативе был создан литературно-музыкальный драматический кружок.

Общество женщин было создано после Всероссийского съезда мусульманок, работавшего в Казани 24–27 апреля 1917 г. Отметим, что съезд почтил минутой молчания светлую память Зухры-ханум Гаспринской (супруги Исмаил-бея) и Фатимы-Фарида Наурузовой, «посвятивших свою жизнь служению мусульманкам России». Второй блок решений включал в себя организационные вопросы, где предусматривалось объединить все женские организации России в одну [38, с. 60–61]. Объединения мусульманских учащихся действовали в 1917 г. в Уфимской губернии.

Первый съезд татарских мусульманских учителей проходит также в Казани в апреле 1917 г. Он создает «Русия тюрк-татар укытучылары берлеге» («Союз российских тюрк-татарских учителей»), который ставит своей целью объединение всей образовательной и просветительной жизни татарского общества [39, с. 7–8]. Мөселман Хәрби Комитет (Мусульманский военный комитет) являлся частью Всероссийского Харби Шуро, также с центром в Казани, создание которого прошло на I Всероссийском мусульманском военном съезде, прошедшем в Казани в июле 1917 г. [17, с. 297–302].

«Томск мөселман Жәмгыяте-хэйрия» (Томское мусульманское благотворительное общество) было впервые создано в 1909 г. мусульманами города под названием «Общество мусульман-прогрессистов». Формат благотворительных обществ, единственных легально возможных светских организаций в царской России, был разработан Исмаил-беем Гаспринским. В 1890-е гг. в Казани, Москве, Санкт-Петербурге, Троицке, Ялте, Касимове, Астрахани, Семипалатинске и других городах создаются мусульманские благотворительные общества как культурно-просветительские центры общин, имеющих коллегиальное управление [17, с. 165–166]. Редактор газеты «Сибиряк» Мухаммад-Вагиз Наврузов в третьем номере газеты назвал И. Гаспринского основателем (сэбэбче) джадидизма и организатором мусульманских благотворительных обществ [40]. В Сибири такие общества действовали в Ачинске, Иркутске, Тобольске, Красноярске, Омске, Томске. Активистами Томского общества супругами Наврузовыми с 1912 г. издавалась на татарском языке общественно-политическая и литературная газета

«Сибиря». В феврале 1914 г. в Томске не было дано разрешение на создание «Общества помощи ученикам».

В Томском технологическом институте в годы Первой мировой войны возникло неформальное мусульманское Общество взаимопомощи. В Благовещенске с 1906 г. общество также действовало на неформальной основе. В 1913 г. было дважды подано ходатайство о создании Новониколаевского мусульманского благотворительного общества, но Томский губернатор ответил отказом. В 1914 г. не было дано разрешение на создание Благотворительного общества в Олекминске (Якутская область), причем в создании Ачинского, Иркутского, Красноярского общественных проектов Новониколаевского и Олекминского обществ ключевую роль сыграли уроженцы Волго-Уральского региона. В 1913–1915 гг. были закрыты общества в Томске, Омске и Тобольске [41].

К 1917 г. в Троицке Оренбургской губернии (ныне Челябинская область) действовали татарозычные центры подготовки учителей как мужчин, так и женщин. «Дар аль-мугаллимин» (Мужская Учительская школа), носившая вначале официальное название «Вазифа» («Обязанность»), была открыта в сентябре 1915 г. В 1916–1917 гг. директором «Вазифы» был первый профессор-историк из татар, доктор наук, писатель, публицист, общественный деятель Газиз Губайдуллин [42, с. 10].

Отметим еще одну важную структуру: «Томск вилаяте руханиляр оешмасы» (Организация мусульманского духовенства Томской губернии) была создана имамами – участниками Съезда мусульман Томской губернии (28 июня – 2 июля 1917 г.) – в Томске с Уставом по образцу Союза духовенства (руханиляр иттифакы) Уфимской губернии [43]. Создание Организации мусульманского духовенства Томской губернии было частью процесса, когда духовенство регионов округа бывшего ОМДС создавало профорганизации в защиту своих прав. Подготовка к проведению Голяма съезды (съезд духовенства), открывшегося в Казани 19 июля 1917 г., актуализировала эти процессы [44, с. 138].

Создатели мусульманской татарской образовательной инфраструктуры Сибири Нового времени

Рассмотрим сферу образования и попытаемся понять, как велось обучение на

литературном татарском языке и каков уровень владения им в Сибири. Российская революция 1905–1907 гг. способствовала развитию образования на родном языке в регионе. Так, в сентябре 1906 г. имам Касим Хамидуллин в юрте «Ренчинские» (Ренчики Тобольского уезда и губернии, ныне Вагайский район Тюменской области) открыл новую школу, где среди предметов числится родной (татарский) язык [45]. В начале 1913 г. в новом мектебе Новониколаевска преподавался татарский (родной) язык [46]. Все другие мусульманские школы Сибири и Дальнего Востока вплоть до Благовещенска, Якутска, Олекминска и Хабаровска описываются как татарские или русско-татарские с татарским языком преподавания.

Откуда прибывали кадры, обучавшие мусульман Сибири? В Новониколаевске имам Г. Валиев, сам получивший образование в медресе Троицка, сразу взял курс на приглашение мугаллимов, получивших образование в джадидских медресе Волго-Уральского региона. Мугаллимами мектеба в Новосибирске были Закирджан Ханафи – выпускник джадидского медресе «Буби» Вятской губернии (ныне Агрызский район Республики Татарстан), Закир хальфа Нурулин – выпускник джадидского уфимского медресе «Усмания», Баязитов (с сентября 1914 г.) – выпускник уфимского медресе «Галия» [47]. В 1915–1916 гг. в Иркутске работали 2 мугаллима и 2 мугаллимы. К Хадиче Шамигуловой присоединилась выпускница того года, закончившая педагогические курсы в Уфе, Ханифа Хисаметдинова, к учителю Габитову – Махмуд Губайдуллин, выпускник джадидского медресе «Байряка» (ныне Ютазинский район Республики Татарстан) [48].

В 1910-е гг. мы видим феномен, когда оба супруга занимались преподаванием. Речь здесь идет как об имаме и его жене или о двух супругах-учителях. Эта традиция также была привнесена из Волго-Уральского региона. Урманов Салихджан родился 13 ноября 1879 г. в д. Дюсметевой Бакаевской волости Уфимского уезда и губернии. 31 октября 1905 г. утвержден имамом г. Благовещенска Амурской области, где пробыл до 1915 г., когда был утвержден казыем ОМДС. Он приложил немало усилий для строительства мечети в Благовещенске, создал джадидский мектеб и училище «Исмаилия» (названное в честь отца-основателя джадидизма Исмаила Гаспринского), где преподавал татарский язык и вероучение, а его жена Ханифа – русский язык [49]. Ханифа-ханум создала описание мечети.

Она была двухэтажной. Половину нижнего этажа занимала библиотека, половину – тахара-хане. На втором этаже размещался молельный зал, а также комната, где хранилась документация (включая метрические книги), проходили никахи и талаки, а также выносились решения по шариату. Важной особенностью и тогда новшеством было наличие отдельной комнаты для женщин [50].

На первом Уфимском губернском съезде мусульман (14–17.04.1917) Урманов от имени ОМДС заявил, что Духовное собрание не возражает против предоставления избирательного права женщинам при соблюдении шариатского права [51]. На I Всероссийском мусульманском съезде в Москве он выступил с докладом о временной организации мусульман, был избран кади. В период поездки муфтия Г. Баруди на Всероссийские мусульманские съезды в Казани в конце июля – начале августа 1917 г. он выполнял функции и.о. председателя ОМДС. В этой функции он подписал обращение ОМДС от 30 июля 1917 г. в защиту участия женщин в выборах [52].

Если имам мог себе рассчитывать стабильные доходы и заниматься созданием инфраструктуры прихода в лице мечети и мектеба, то учителя были наемной рабочей силой, зависящей от бая, который мог их прогнать в любой момент, или в лучшем случае от общины, которая заключала с ними договор на один или два года. Однако и они прилагали все усилия для создания татарской джадидской инфраструктуры. Если учителя правительственных училищ обладали стабильной зарплатой и льготами и можно проследить их карьеры по послужным спискам, то карьеры мугаллимов (учителей) и особенно мугаллим (учительниц) почти не имеют источников обеспечения. Наиболее полную информацию нам удалось получить по Ибрагимову Ризвану и его жене. Он родился в 1883 г. в ауле Бигеево (Биги) Кузнецкого уезда Саратовской губернии (ныне Неверкинский район Пензенской области), где и получил начальное образование. С 1896 г. учился в казанском джадидском медресе «Мухаммадия», где изучал русский язык. С 1903 г. преподавал в ауле Ташбилге (Тяжбердино) Спасского уезда Казанской губернии (ныне Алькеевский район Республики Татарстан), с 1905 г. – в Ачинске (ныне Красноярский край), с 1907 г. – в Чите, где создал 1-й мектеб с обучением на татарском языке, а его жена Ферхане-ханум обучала девочек, с 1911 г. – в Хабаровске, где также создал

1-й мектеб [53]. Он руководствовался идеями Касима Амина (1865–1908), арабского писателя, который впервые в арабской литературе выступил за предоставление равноправия арабской женщине [54]. К сожалению, не удалось получить сведения о расстоянии между Ачинском и Хабаровском по Транссибу, но по шоссе оно составляет 4.407 км.

В крупнейшем в Сибири медресе в Ембаево среди предметов числились 1-е начальное отделение (ибтидаи) – чтение на тюрко-татарском языке, а также 2-е отделение (игъдадия – выше среднего) – кроме тюрко-татарского, арабский язык и литература [55, с. 189–190]. В Ембаево не было полного цикла обучения: шакирды учились только 7 лет, поэтому благотворитель Нигматулла Карымшакович Сайдуков (1829–1901) лучших выпускников медресе направлял учиться за свой счет в медресе Казани, Уфы, Оренбурга, где обучение также шло на татарском языке. Тобольское медресе давало начальное образование (ибтидаийа) и начало среднего образования (рушдия). В соответствии с идеями джадидизма, наряду с религиозными, вводились светские предметы. Здесь преподавали татарский язык. 29 апреля – 1 мая 1912 г. на показательных испытаниях шакирды читали стихотворения на татарском языке [56].

В газете «Сибиря» летом 1913 г. рекламировалась в качестве передового медресе уфимская «Галия», где преподавание велось на арабском, татарском и русском языках, преподавалась татарская литература [57]. Для поступления в 1-й класс данного медресе необходимо было уметь читать на тюркском языке, уметь писать на нем диктанты и сочинения [58]. Поскольку в Уфимской губернии официально действовали татарские и башкирские училища, то там бытовало выражение не «татарский», а «тюркский язык». Более точными были требования дирекции медресе «Мухаммадия» в Троицке, где для поступления в 1-й класс разряда «рушдия» требовалось знание морфологии татарского языка, умение писать на нем диктанты, знание литературных слов, татарской истории. Для 1-го класса разряда «игъдадия» требовалось знание морфологии и лексикологии татарского языка, умение писать на нем диктанты и сочинения. Также требовалось знание знаменитых произведений татарской литературы. Для 2-го класса разряда «игъдадия» требовалось умение писать сочинения на

заданные темы и переводить арабские рассказы на татарский язык [59].

С 1909 г. в Олекминске Якутской области (ныне Республика Саха (Якутия)) действовала частная русско-татарская школа (15 мальчиков и 10 девочек), с 1910 г. принятая на госсчет. В 1913 г. там учились 23 мальчика и 18 девочек, в апреле 1914 г. – 70 учащихся (учитель Ильяс Еникеев, учившийся в Уфе) [60].

Создание системы образования для девочек

Как уже указывалось, важнейшим показателем влияния мусульман Волго-Уральского региона и явным признаком противостояния бухарской традиции была ориентация на создание мусульманского татарского образования для девочек. В газетах особо отмечалось, что мальчики и девочки учились вместе в Олекминске, Чите, Новониколаевске, Благовещенске или Хабаровске, или для них создавался отдельный мектеб, как в Иркутске, Томске или Ембаево. Феномен образования для девочек в Сибири возникает только в 1910-е гг.

«Сибирия» позиционировала себя как единственную у российских мусульман газету, занимающуюся защитой прав девушек и женщин. Фатима-Фарида Наврузова выступила с программной статьей в 3-м номере газеты, открыв рубрику «Хатын-кызлар дөнъясы» («Мир женщины») [61]. Она поставила целью образование татарских девушек, которые должны будут потом быть способными оказывать помощь мужьям. Целью обучения являлось воспитание «Тәрбияле ана» («Благонравная/воспитанная мать») как истинной мусульманской женщины. Сам термин «Тәрбияле ана» является названием программной книги (1898) выдающегося улема и писателя Ризы Фахреддина [62]. В «Сибирии» утверждалось, что газета занимается решением проблемы прогресса женщин [63]. В № 4 газеты выходит статья Ф. Ф. Наврузовой, где она выступает за обучение на тюркском языке, включая обучение мугаллим (учительниц) [64].

Ф.-Ф. Наврузова в 45-м номере «Сибирии» поместила анкету из восьми вопросов, на которую редакция получила более 30 ответов. 15 февраля 1913 г. просветительница опубликовала свой анализ. Отталкиваясь от ответа на вопрос №1, Ф.-Ф. Наврузова констатировала всеобщее недовольство положением татарской женщины: отсутствие нормальных школ, притеснение со стороны мужей. Исходя из ответов на вопрос 2, она пришла к заключению, что национальные школы не дают общего образова-

ния, а в русских школах девочки вынуждены скрывать свои национальные чувства (милли хис), свое мусульманство. Просветительница призвала ввести в программу национальных школ светские дисциплины, а также русский язык, в государственных – исламское вероучение [65].

Ф.-Ф. Наврузова была не только теоретиком, но и практиком. 1 января 1910 г. в Томске, в переулке Татарском, 14 открылось легальное мусульманское женское училище Наврузовой – первая в городе начальная школа для девочек из мусульманских семей. 16 апреля 1912 г. основательница провела публичные экзамены в своем метебе [66]. В 1912 г. было официально открыто второе магометанское училище для девочек под руководством ахуна Хамитова [3, с. 174]. В Тобольской губернии рядом с крупнейшим джадидским медресе края в Ембаево Сайдуковы на свои средства (5 тысяч рублей) основали женское медресе (реально мектеб). Занятия для девочек в Тобольской губернии также велись при медресе г. Тары, г. Тобольска, Турбинском медресе [55, с. 189–190].

Кумиры и праздники

Кого считали своими кумирами в джадидских мектебах и медресе и какие новые праздники начали отмечаться там и в целом мусульманами Сибири? 1913-й год останется в татарской культуре прежде всего годом смерти Г. Тукая (1886–1913). 26-летний поэт станет первым из широко известных национальных деятелей своего и даже более старшего поколения, ушедших из жизни. После его смерти начинается выстраиваться его культ, от которого не оказались в стороне и мусульмане Сибири. В апреле 1913 г. иркутский имам и мугаллим Г. Абдрашитов сравнил значение смерти Г. Тукая со смертью классика турецкой литературы Ахмада Мидхата. В Иркутске после пятничного намаза было организовано собрание шакирдов, где прочли молитву в честь Тукая и рассказали его биографию [67]. 4 апреля 1913 г. прошел вечер памяти Г. Тукая в медресе при 1-й Соборной мечети Томска (имам Х. Хамитов), был прочитаны Коран и молитва в его честь, учителя познакомили с его произведениями [68].

Важным новшеством среди мусульман Сибири в начале 1910-х гг. стало празднование Мавлида. Эта традиция была заложена в Казани имамом 5-й мечети и мударрисом медресе

«Мухаммадия» Г. Баруди. 17 фев. 1913 г. в мектебе при той же 1-й Соборной мечети Томска прошел мавлид, театральное представление в помощь бедным шакирдам, организованное Томским обществом мусульман-прогрессистов, включавшее татарские мелодии и музыку, было собрано 300 рублей [68]. 13 января 1915 г. в Иркутской мечети прошел вечер Мавлида. Речи произнесли имам Г. Абдрашитов («Религия Ислама»), учитель Х. Габитов («История Ислама»), К. Юлдашев («О пророке Мухаммаде»). 14 января прошел Мавлид в женском мектебе, где учительница Хадича Шамигулова рассказала о пророке Мухаммаде. Здесь опять мы видим вовлечение девочек (кызлар) в мусульманское пространство [69]. В Олекминске 4 февраля 1913 г. прошло празднование Мавлида, где читались национальные стихи, включая «Бэйрэм бүген» («Сегодня праздник») классика татарской литературы Г. Тукая [60]. На лицо переплетение мусульманских и собственно национальных татарских традиций. В Омске 18 февраля 1913 г. имамом М. Н. Сулеймановым было организовано празднование Мавлида для девочек в доме Ахмад-бая Абдулменова, так как в Омске не было женского мектеба [29]. В Чите в мектебе 21–22 февраля 1913 г. во время Мавлида прошел литературный вечер и театральное представление на татарском языке, представлена была классическая татарская комедия «Беренче театр» («Первый театр») Галиаскара Камала [70]. В ней поднимается на щит прогрессивная татарская молодежь, которая, поставив пьесу, привлекла к ее посещению мусульманское население всего города.

Новшеством также стало празднование Нового года по хиджре. 25 октября 1915 г. в Иркутской Соборной мечети прошло празднование начала мухаррама, то есть Нового года по хиджре. Сообщение о нем называется «Новый праздник в Иркутске». Он прошел в мечети после намаза «ясту». Дети читали Коран и стихи. Учитель Губайдуллин рассказал о значении начала мухаррама и из сиры (жизнеписания) пророка Мухаммада. Учитель Габитов рассказал о том, что такое религия и шариат, общественный разум с точки зрения религии и шариата, какое место занимает «адаб». По просьбе Габитова было собрано 26 рублей в помощь сиротам Карса, жертвам Первой мировой войны. В женской школе

Хадича Шамигулова и Ханифа Хисаметдинова прочитали красивые проповеди о начале мухаррама [71].

Благотворительные общества создали традицию проведения Сабантуя в Сибири, не имевшего корней у собственно сибирских татар, и сбора на нем средств на общественные нужды. 29 июня 1912 г. Благотворительное общество организовало Сабантуй на томском ипподроме, там играла татарская музыка. 19 мая 1913 г. прошел Сабантуй, доходы от которого составили около 1.000 рублей [72]. 18 мая 1914 г. прошел Сабантуй, доходы от которого составили 431 рубль. По сравнению с 1913 г., произошло их резкое сокращение. В 1913 г. Благотворительное общество сумело мобилизовать практически все слои населения, в 1914 г. многие прислушались к мнению ахуна и местного уроженца Х. Хамитова, который сказал, что те, кто пойдут, вернуться, надев хомут проклятия [73]. В 1914 г. власти Иркутска бесплатно предоставили ипподром для проведения сабантуя. Организатором выступило Иркутское Мусульманское Благотворительное Общество, в пользу которого было собрано 458 рублей [74].

Результаты

На основе анализа прессы 1905–1918 гг. мы доказали, что мусульмане-татары Сибири в 1910-е гг. сформировали полноценные джадидские инфраструктуры мусульманских, прежде всего городских, общин, обслуживающие потребности мусульман региона в образовательной и культурно-просветительской сферах. При этом эти структуры были сформированы по образцу татарских структур Волго-Уральского региона. Отсюда же заимствовались кадры для джадидского образования, включая образование девочек. Сами уроженцы Сибири предпочитали быть частью этих общероссийских мусульманских структур с центрами в Европейской России, особенно ОМДС-ЦДУМ, а не создавать автономные мусульманские сибирские структуры по образцу русских сибирских областников.

Выводы

В 1910-е гг. наблюдается выстраивание мусульманской джадидской инфраструктуры мусульман Сибири, которая в целом повторяет инфраструктуру мусульман Европейской России, а также систему ее символов. Высшая

точка в Сибири была достигнута в Томске, где в январе 1918 году объединились как политические структуры (Милли Шура, Мусульманское бюро), так и благотворительные (благотворительное общество), образовательные (3 мужских и 2 женских мектеба), просветительные (библиотека), военные (Харби Шура), театральные (музыкально-театральное общество), пресса (газета «Чулпан») и даже Томская губернская организация духовенства.

Если взять только образовательную и культурно-просветительную сферы, мы видим, что татар-мусульман Сибири и Европейской России объединяет стремление к созданию джадидского образования (включая женское образование), переводов проповедей на родной татарский язык, контактов с общероссийской мусульманской джадидской печатью (здесь ключевую роль в 1905–1907 гг. играет Г.-Р. Ибрагимов, в феврале 1912 – феврале 1914 г. супруги Наврузовы, с октября 1914 г. по апрель 1918 г. З. Кадыри), создание мусульманских библиотек [75], театральные постановки на татарском языке, сотрудничество с татарскими издательствами Европейской России и публикация в них своих трудов. Новыми праздниками для мусульман Сибири становятся Мавлид, Новый год по хиджре, Сабантуй. В Сибири складывается культ Тукая как татарского национального поэта. Однако на страницах более чем тысячи газет нам не удалось обнаружить следы выстраивания сибирской мусульманской, сибирско-татарской или иной нетатарской идентичности среди мусульман Сибири. Впрочем, мы будем очень благодарны, если такая информация будет предоставлена в комплексном и концептуальном плане.

Литература

1. Павлинова Р. Н. Мусульманские общины Азиатской части Российской империи в середине XIX – начале XX в.: по материалам учетных ведомостей ОМДС / Р. Н. Павлинова, А. Н. Старостин, А. П. Янков; Казанский федеральный университет. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2018. 489 с.
2. Мусульмане на Дальнем Востоке России: история и современность. А. С. Гарифуллин, Р. Н. Павлинова, Д. В. Руденкин, А. Н. Старостин / автор-сост., гл. редактор А. Н. Старостин. Казань: Алгоритм+, 2020. 590 с.
3. Маркова М. Ф. Татары-мусульмане Томской губернии: 1880-е гг. – февраль 1917 г.: дис. ... канд. истор. наук. Томск, 2008. 257 с.
4. Бобкова Г. И. Татарские общины Иркутской губернии (конец XIX – начало XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. 219 с.
5. Бустанов А. К. Книжная культура сибирских мусульман. М.: Марджани, 2013. 264 с.
6. Бустанов А. К., Корусенко С. Н. Родословные сибирских бухарцев: Имяминовы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 2. С. 97–105.
7. Мөхәммәд-Вагыйз // Сибиряк. 1912. № 1. 18 февраля.
8. Мөхәммәд-Вагыйз. Сибиряккә күчү-мәсьәләсе // Сибиряк. 1912. № 5. 17 марта.
9. Фәхрәддин Р. Асар. 1 жилд. 3 жөзья. Оренбург, 1902. 87–160 б.
10. Фәхрәддин Р. Асар. 3 һәм 4 томнар. Казан: Рухият, 2010. 648 б.
11. Bustanov A. Abd al-Rashid Ibrahim's Biographical Dictionary on Siberian Islamic Scholars // Kazan Islamic Review. 2015. № 1. P. 10–78.
12. Ибраһимов Г.-Р. Тәржемәи хәләм. СПб., елы юк. 123 б.
13. Томски мөселман мәктәпләре // Сибиряк. 1913. № 118. 9 июня.
14. Томски // Тормыш. 1917. № 626. 12 апреля.
15. Томски хәбәрләре // Тормыш. 1917. № 641. 3 май.
16. Галимуллин Ф. Ф. Публицистические произведения Г.-Р. Ибрагимова как источник для изучения татарского общественного-публицистического движения (начало XX в.). дис. ... канд. истор. наук. Казань, 2003. 182 с.
17. Хабутдинов А. Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX в. Казань, 2001. 383 с.
18. Cwiklinski S. Abdürreşid İbrahim (1857–1944) Eine Biografie Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines. Berlin, 2012. 182 s.
19. Turkoğlu I. Sibiryalı Meşhur Seyyah Abdürreşid İbrahim (Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları 256). Ankara, 1997. 103 s.
20. Гарипова Р. Роль Ризаэтдина Фахрэддина в реформе мусульманского семейного права в Российской империи // Историческая этнология. 2020. Том 5. № 2. С. 206–224.
21. Шаблей П. С. Мусульмане города Тары и Казахская степь: социокультурные взаимодействия в XIX – начале XX века // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2021. № 11. Т. 1. С. 104–114.
22. Тормыш. 1917. 25 март.
23. 100-летие образования Татарской АССР: Сборник документов и материалов: В 3 т. / авт.-сост. З. С. Миннуллин, науч. Ред. Р. Р. Фахрутдинов., Р. Р. Хайрутдинов. Т. 1. Казань: Заман, 2017. 520 С.
24. Башкорт кечкенә парламенты хяте // Тормыш. 1918. № 779. 5 январь.
25. Хөҗжәт әл-Хәким Мәхмудовның хаты // Чулпан. 1918. № 3. 5 март.

26. Гражданская война в России и мусульмане. Сборник документов и материалов. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. 808 с.
27. *Сөлэйманов Н.-М.* Төрки хөтбэләр. 1 нче ел. Оренбург. 1910. 300 б.
28. *Сөлэйманов Н.-М.* Төрки нотыклар. Оренбург. 1911. 52 б.
29. Сибиря. Омски мәктүбе // Сибиря. 1913. № 92. 28 марта.
30. *Мәхмүдов Х. Х.* Мәрхүм Нияз Мөхәммәд әфәнде Сөлэйманов// Мәшүрәт. 1917. С. 69–71.
31. *Ибраһимов Р.* Сибирядән барышлы // Тормыш. 1914. № 96. 6 августа.
32. *Ибраһимов Р.* Сибирядән барышлы // Тормыш. 1914. № 100. 20 август.
33. Томски хәбәрләре // Тормыш. 1918. № 790. 23 январь.
34. Сибиря. 1912. № 13. 20 мая.
35. Томски хәбәрләре // Сибиря. 1913. № 127. 5 июля.
36. Томски хәбәрләре // Сибиря. 1913. № 131. 14 июля.
37. Томски хәбәрләре // Сибиря. 1913. № 132. 18 июля.
38. *Хабутдинов А. Ю.* Всероссийский съезд мусульманок // Ислам в Татарстане. Энциклопедический словарь. М.: ИД Медина, 2017. С. 60–61.
39. *Хабутдинов А. Ю.* Органы национальной автономии тюрко-татар Внутренней России и Сибири в 1917–1918 гг. Вологда, 2001. 61 с.
40. Мөхәммәд-Вагыйз. Ярдәм жәмгыятәме // Сибиря. 1912. № 3. 3 март.
41. *Хабутдинов А. Ю.* Благотворительные мусульманские общества // Ислам в Сибири. Энциклопедический словарь. М.: ИД Медина, 2022 (в печати).
42. *Денисов Д. Н.* Очерки по истории мусульманских общин Челябинского края (XVIII – начало XX в.). М.: ИД Марджани, 2011. 255 с.
43. Руханилар оешмасы // Тормыш. 1917. № 690. 27 июль.
44. *Хабутдинов А. Ю.* Религиозные деятели в общественном движении мусульман Волго-Уральского региона в 1917 г. // Ислам в современном мире. 2022. № 2. С. 133–146.
45. Яңа мәктәп // Өлфәт. 1906. № 38. 6 сентябрь.
46. *Вәлиев Г.* Томски губернасы Новониколаевск шәһәрәнең мәктәбе // Сибиря. 1913. № 68. 8 январь.
47. *Сөлэйманов З.* Сибирядән. Новониколаевск // Тормыш. 1914. № 114. 24 сентябрь.
48. *Габитов Х.* Иркутскида мәктәпләр // Тормыш. 1915. № 335. 11 октябрь.
49. *Ибраһимов Р.* Сибирядән барышлы // Тормыш. 1914. № 94. 1 август.
50. *Урманова Х.* Хатын-кызлар // Сибиря. 1912. № 16. 10 июня.
51. *Хабутдинов А. Ю.* Съезд мусульман Уфимский губернский, Первый // Ислам в Башкортостане. Энциклопедический словарь. М: ИД Медина, 2022 (в печати).
52. Хатыннарның сайлау эшләренә катнашулары Мәхкәмә-и-Шаргыя хитабы. // Тормыш. 1917. № 693. 1 августа.
53. Ризван әфәнде Ибраһимов // Сибиря. 1913. № 131. 14 июля.
54. *Амин Касим.* Новая женщина / пер. со 2-го араб. изд. и предисл. И. Ю. Крачковского. СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума, 1912. 119 с.
55. Мәдрәсәләрдә китап киштәсе. Казан, 1992. 236 б.
56. Речебакиев М.-Р. // Сибиря. 1912. № 16. 10 июня.
57. «Татар углы». Мәдрәсә Галия диния // Сибиря. 1913. № 108. 15 мая.
58. Уфадагы «Мәдрәсә Галия диния» идарәсеннән // Сибиря. 1913. № 132. 11 июля.
59. Троицкидагы «Мәдрәсә Мөхәммәдия» идарәсе тарафыннан // Сибиря. 1913. № 136. 28 июля.
60. Сибиря хәбәрләре // Сибиря. 1913. № 81. 1 марта.
61. *Фатыйма-Фәридә.* Хатын-кызлар дөнъясы // Сибиря. 1912. № 3. 3 марта.
62. *Фәхрәддин Р.* Тәрбияле ана. Казань: изд-во Императорского ун-та, 1898.
63. Сибиря 1913. № 77. 15 февраля.
64. *Фатыйма-Фәридә.* Хатын-кызлар дөнъясы // Сибиря. 1912. № 4. 10 марта.
65. *Фатима-Фарида.* Хатын-кызлар дөнъясы // Сибиря. 1913. № 77. 15 февраля.
66. Сибиря. 1912. № 8. 14 апреля.
67. Сибирядә // Сибиря. 1913. № 99. 21 апрель.
68. Сибиря. 1913. № 95. 5 апреля.
69. *Габитов Х.* Сибирядән. Иркутскида мәүлид кичәсе // Тормыш. 1915. № 179. 5 февраль.
70. Сибирядә // Сибиря. 1913. № 97. 15 апрель.
71. Сибирядә. Иркутта яңа ел бәйрәме // Тормыш. 1915. № 353. 10 ноябрь.
72. Томски хәбәрләре // Сибиря. 1913. № 111. 22 май.
73. Томски хәбәрләре. Сабан туге // Тормыш. 1914. № 70. 1 июнь.
74. Тәшәккүр // Тормыш. 1914. № 74. 11 июнь.
75. *Хабутдинов А. Ю., Ярков А.* Библиотеки мусульманские // Ислам в Сибири. Энциклопедический словарь. М.: ИД Медина, 2022 (в печати).

XX ГАСЫР БАШЫНДА СЕБЕРДӘ ТАТАР СТРУКТУРАЛАРЫ

Айдар Юрий улы Хәбетдинов,

Россия гадел хөкем университетының Казан филиалы,
Россия, 420088, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
aihabutdinov@mail.ru.

Мәкалә XX гасыр башында Себернең татар структуралары эволюциясен өйрәнүгә багышлана. Шул чорның вакытлы матбугатын анализлау нигезендә ул вакытта Себер мөселманнарының үзләрен бердәм татар милләте әгъзалары дип таныганлыгы, уку-укыту теле буларак кулланылган татар әдәби теленә ия булганлыгы исбатлана. Хезмәттә 1917 елның Февраль революциясенә кадәр оешкан структуралар арасында хәйрия жәмгыятьләре, китапханәләр, ир-атлар һәм хатын-кызлар мәктәпләренең өстенлек итүе раслана. Томскида «Сибирь» газетасы һәм музыка-театр жәмгыяте оештырыла. 1917–1918 ел башында шәһәрләрдә Мөселман бюролары барлыкка килә, губерна мөселман съездлары үткәрелә, Мөселман шуралары (Милли советлар), Хәрби шура бүлекләре (Хәрби советлар) барлыкка килә. Мәкаләдә Себер мөселманнары арасында Россиянең Европа өлешендә яшәүче мөселманнары үрнәгендә Мәүлид, һижри буенча яңа ел, Сабантуй бәйрәмнәрен үткәру модасы таралуы теркәлә. Символик лидерлар галереясендә Габдулла Тукайның татар милли шагыйре буларак төп урынны алып торыуы исбатлана.

Төп төшенчәләр: татарлар, мөселман жәмгыяте, Себер, хәйриячелек жәмгыятьләре, матбугат, хатын-кызлар мәгарифе